ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

ИЗЪ

ДРЕВНЕЙ СУЗДАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

Графа М. Толстаго.

МОСКВА.

1869.

PRINTED IN RUSSIA.

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

Digitized by Google

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

ИЗЪ

ДРЕВНЕЙ СУЗДАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

Графа М. Толстаго.

МОСКВА
Въ Университетской типографіи (Катковъ и Комп.) на Страст. бульв.
1869.

947.04
T588

40-9736

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, іюня 23 дня, 1869 года.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Digitized by Google

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА
ИЗЪ ДРЕВНЕЙ СУЗДАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Прошлогодняя поѣздка въ Вологду и Бѣлозерскій край познакомили меня съ сѣверною оконечностію великаго княженія, основаннаго св. Андреемъ Боголюбскимъ въ Суздальской области. Западный край этой обширной державы съ древними городами: Переславлемъ-Залѣсскимъ, Ростовомъ, Ярославлемъ и Костромою, былъ знакомъ мнѣ еще прежде. Оставалось взглянуть на средоточіе, такъ сказать на сердце области Суздальской, и вотъ теперь исполняется это давнее мое желаніе.

Но можетъ быть читатель спроситъ меня: „что за древняя, обширная область Суздальская, которой нѣтъ ни въ какой географіи?"

На этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ древняя Русская исторія.

Было время (за 1000 лѣтъ до насъ) когда на всемъ обширномъ пространствѣ на западъ отъ великаго Новгорода и Смоленска, на сѣверъ отъ Мурома, стоялъ одинъ только городъ Ростовъ Великій, существовавшій еще тогда, когда на берегахъ озера Каово или Неро (что нынѣ Ростовское озеро) обитала Меря, народъ Финскаго племени; нѣсколько позднѣе, въ томъ же краю возникъ Суздаль или Суждаль. Просвѣщенный святымъ крещеніемъ при равноапостольномъ Владимірѣ, этотъ край русской земли былъ удѣломъ св. страстотерпца Бориса, а по смерти его, причисленъ къ великому княженію, и управлялся

мѣстными боярами: князья стремились ближе къ престольному Кіеву, старѣйшему и богатѣйшему изъ городовъ Русскихъ, облеченному правомъ старшинства надъ прочими удѣлами, домогались удѣловъ, сосѣднихъ съ нимъ, не любили свободнаго Новгорода, пренебрегали Ростовомъ, страною бѣдною, дикою и суровою. Только одинъ изъ великихъ князей, знаменитый Владиміръ Мономахъ посѣщалъ иногда сѣверную область свою и основалъ здѣсь новый городъ Владиміръ на берегахъ Клязьмы.

Послѣ смерти Мономаха, видимъ новое, замѣчательное явленіе—осѣдлость пятаго сына его, Юрія Долгорукаго, на сѣверѣ, и притомъ не въ Ростовѣ, а въ младшемъ Суздалѣ; отсюда названіе земли Суздальской смѣняетъ иногда въ лѣтописяхъ названіе Ростовской. Но, обстроивъ древній Ростовъ множествомъ городовъ новыхъ, Юрій скучалъ по Кіеву и считалъ себя изгнанникомъ на сѣверѣ. „Неужели и дѣтямъ моимъ не будетъ части въ землѣ Русской!" говорилъ онъ, стараясь добыть Кіевъ.

Одинъ изъ младшихъ его сыновей, Андрей Боголюбскій, мыслилъ уже иначе: онъ любилъ сѣверъ, какъ родину, и не могъ ничего искать себѣ на югѣ, при жизни сыновей старшаго изъ Мономаховичей, Мстислава Великаго. Онъ удалился въ наслѣдную область, вопреки волѣ отца, радостно принятъ Ростовцами и Суздальцами и поселился во Владимірѣ. Андрей былъ истиннымъ самодержцемъ своей обширной державы, простиравшейся на западъ до Тверскаго княженія и владѣній Новгородскихъ, на югъ до предѣловъ Рязанскихъ, на востокъ до обиталищъ Мордвы и границъ Болгаріи (въ нынѣшней Казанской губерніи), на сѣверъ до непроходимыхъ дебрей и тундръ, окаймлявшихъ Заволочье.

Таже область, въ нераздѣльномъ ея составѣ, досталась послѣ Андрея братьямъ его, сначала Михаилу, а потомъ Всеволоду. Старшій сынъ Всеволода, Константинъ отдѣлилъ всю сѣверную часть великаго княженія Ростовъ, Ярославль, Заволочье и Бѣлозерскій край — сыновьямъ своимъ; остальная область Суздальская досталась брату

его Георгію, при которомъ совершилось раззореніе и покореніе русской земли Монголами—страшною ордою Батыя. Этимъ гибельнымъ событіемъ завершается первый, блистательный періодъ исторіи сѣвернаго великаго княженія

Второй періодъ этой исторіи мраченъ и безотраденъ, но онъ озаряется блескомъ великихъ дѣяній св. Александра Невскаго, сына того Ярослава Всеволодовича, который получилъ въ наслѣдіе горестное пепелище великаго княженія, раззореннаго, залитаго кровью, порабощеннаго варварами. Наконецъ послѣ долгихъ кровопролитныхъ распрей между князьями, разрывавшими на лоскутья наслѣдіе великокняжеское, возвышается мало-по-малу ничтожный городокъ, удѣлъ св. Даніила, младшаго сына героя Невскаго. Сюда, къ благочестивому князю Іоанну Даніиловичу приходитъ св. Митрополитъ Петръ, съ дивнымъ пророчествомъ о будущемъ величіи Москвы. Здѣсь начинаетъ биться новое сердце Руси. Здѣсь утверждается единовластіе и самодержавіе. Здѣсь великое княженіе развивается въ царство, въ сильную имперію, въ шестую часть вселенной!

Какъ дивны пути промысла Божія въ дѣлахъ человѣческихъ! Люди облеченные властію, дѣйствуютъ иногда безотчетно, или ищутъ только своей славы и корысти, а Тотъ, „Имже царіе царствуютъ,“ направляетъ послѣдствія дѣлъ ихъ къ отдаленной цѣли, которая Ему единому вѣдома! Юрій Долгорукій, устроивая городокъ въ отнятой имъ вотчинѣ Степана Кучка, могъ ли предвидѣть будущее величіе Москвы? Сынъ его Андрей предчувствовалъ ли гибель южной Руси отъ Монголовъ, когда переносилъ престолъ великаго княженія изъ Кіева, потрясеннаго крамолами и междоусобіями, въ страну Суздальскую, хотя полудикую, но болѣе мирную, гдѣ народъ еще не изъявлялъ мятежнаго духа, не судилъ и не мѣнялъ Государей, но повиновался имъ усердно и сражался за нихъ мужественно? И св. князь Георгій, покоряя Мордву и полагая основаніе новому городу въ землѣ Низовской, при

сліяніи двухъ великихъ рѣкъ Русскихъ Оки и Волги, думалъ ли, что ставитъ крѣпкій оплотъ противъ будущаго царства Казанскаго? Воистину, дивны дѣла Твои, Господи, и велика милость Твоя къ православной Твоей Руси!

Эти и подобныя мысли роились въ головѣ моей, между тѣмъ какъ сила пара быстро несла меня по чугунному пути отъ береговъ Москвы рѣки на берега Клязьмы. Вотъ уже и Владиміръ, нѣкогда престольный и царственный, богатый и славный, а теперь малозначительный губернскій городъ! Поѣздъ пролетаетъ мимо его во всю длину, почти до восточной оконечности города. На обрывѣ крутой горы, высоко надъ желѣзною дорогою, мелькаютъ зданія древнія и новыя: соборные и приходскіе храмы, Рожественскій монастырь, присутственныя мѣста...

Послѣ краткаго отдыха на новомъ мѣстѣ, пишу къ вамъ эти строки и спѣшу, по благовѣсту колокола, призывающему къ вечернѣ, въ Успенскій Златоверхій соборъ.

25 іюня 1868 г.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Сейчасъ возвратился я изъ Успенскаго собора, нѣкогда Златоверхаго, и спѣшу передать вамъ, многоуважаемый В. П., впечатлѣнія, которыя оттуда вынесъ. Этотъ древній памятникъ благочестія великихъ князей сѣверныхъ стоитъ на открытомъ, возвышенномъ мѣстѣ въ среднемъ городѣ (Кремлѣ или Дѣтинцѣ), котораго стѣны, давно уже разрушенныя, замѣнены теперь тѣнистыми садами. Пятиглавый Успенскій соборъ сооруженъ весь изъ бѣлаго камня св. великимъ княземъ Андреемъ Георгіевичемъ Боголюбскимъ въ 1160 году, а спустя 29 лѣтъ возобновленъ послѣ пожара и увеличенъ пристройкою съ трехъ сторонъ новыхъ стѣнъ, братомъ храмоздателя в. к. Всеволодомъ. Лѣтописецъ, современникъ Андрея Боголюбскаго, говоритъ, что благочестивый князь „дивно украсилъ воздвигнутую имъ церковь многоразличными иконами, жемчугомъ

и камнями драгоцѣнными, сосудами золотыми и покрылъ верхи ея позлащенною мѣдью (отсюда и названіе Златоверхаго собора). По вѣрѣ его и по усердію къ пресв. Богородицѣ, привелъ ему Богъ изъ всѣхъ странъ мастеровъ иноземныхъ, которые украсили церковь Богоматери краше всѣхъ церквей". Повѣствуютъ, что въ соборѣ было 4 золотыхъ паникадила и болѣе 20 серебряныхъ, чудный серебряный амвонъ, мѣдный помостъ, позолоченныя двери, оклады на иконахъ, осыпанные жемчугомъ.

Входя въ соборъ западными дверями, нельзя не замѣтить съ перваго взгляда, что онъ весьма сходенъ съ Новгородскимъ Софійскимъ по множеству столповъ внутри его: сначала, безъ сомнѣнія, было только четыре столпа, на которыхъ утверждаются своды, а остальные сдѣланы изъ прежнихъ стѣнъ въ то время, когда Всеволодъ пристроилъ новыя стѣны. Впрочемъ полумракъ, производимый этими столпами, весьма приличенъ древнему святилищу — усыпальницѣ державныхъ властителей земли русской.

Къ сожалѣнію иконостасъ вовсе не соотвѣтствуетъ храму: онъ поставленъ при возобновленіи собора въ 1770 году, на сумму, пожалованную императрицею Екатериною II, и устроенъ во вкусѣ того времени, съ многоразличными выступами и изгибами, съ рѣзьбою въ западномъ вкусѣ, по темнозеленому полю. Тотъ же иконостасъ служитъ и для двухъ придѣловъ: на сѣверной сторонѣ св. князя Андрея и на южной св. князя Глѣба.

Въ иконостасѣ замѣчательны иконы:

1. Божіей Матери, чудотворная, писанная св. митрополитомъ Петромъ, когда онъ былъ еще игуменомъ Ратскимъ на Волыни, и поднесенная имъ блаж. Максиму, митрополиту Кіевскому. Это точный списокъ съ подлинной иконы, написанной, какъ увѣряетъ преданіе, св. евангелистомъ Лукою, принесенной изъ Царь-града въ Кіевъ и поставленной въ Вышгородѣ, откуда св. князь Андрей взялъ ее съ собою во Владиміръ. Здѣсь стояла она на этомъ самомъ мѣстѣ, и прозвана Владимірской, а въ 1395 году, при нашествіи Тамерлана, перенесена въ Москву,

гдѣ и донынѣ находится въ царственномъ Успенскомъ соборѣ, здѣсь же замѣнена сказаннымъ спискомъ.

2. Икона Знаменія Богородицы, написанная въ 1646 году. Объ ней, въ записяхъ соборныхъ, сохранилось слѣдующее сказаніе: „Въ слободѣ Быковкѣ, находящейся въ предмѣстіи г. Владиміра, обыватель Сергій Іовлевъ, страдалъ съ малолѣтства разслабленіемъ ногъ. Онъ былъ круглый сирота; жилъ въ своемъ домѣ, доставшемся ему по смерти его родителей. Сострадательные люди навѣщали Іовлева и ходили за нимъ въ болѣзни, считая ее совершенно неизлечимою. Іовлевъ великодушно переносилъ свои страданія. Будучи не въ силахъ подняться на ноги, онъ лежа обращался съ усердною молитвою къ Богу и преимущественно поступалъ такъ въ безмолвное ночное время. Молитва его была, наконецъ услышана. Въ незапамятныя времена, въ слободѣ Быковкѣ, былъ храмъ во имя Воздвиженія честнаго креста Господня; въ послѣдствіи храмъ этотъ упраздненъ и то мѣсто, гдѣ онъ находился, находилось въ совершенномъ запустѣніи. Разъ въ полночное время Іовлевъ сталъ было засыпать, какъ слышитъ голосъ: "попроси, пусть напипишутъ Мой образъ Знаменія и поставятъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была церковь и ты исцѣлѣешь." Гласъ этотъ повторился больному трикратно. Іовлевъ сказалъ объ этомъ своимъ знакомымъ; тѣ, по своему усердію, не замедлили написать образъ Знаменія пресв. Богородицы. Но тутъ встрѣтилось недоумѣніе: гдѣ поставить образъ? Оставить его на открытомъ мѣстѣ, казалось неприличнымъ. Впрочемъ это недоумѣніе вскорѣ разрѣшилось: въ то же время былъ другой, тяжко страдавшій отъ болѣзни, посадскій человѣкъ Логгинъ Сапожниковъ, жившій въ г. Владимірѣ. У Сапожникова былъ подготовленъ дубовый срубъ на избу. Послѣдовало ему видѣніе во снѣ, чтобы онъ дубовую храмину свою отдалъ подъ часовню и поставилъ ее въ слободкѣ Быковкѣ, гдѣ была нѣкогда церковь. Сапожниковъ такъ и сдѣлалъ.— Когда часовня была устроена, внесли въ нее образъ Знаменія Богоматери, совершили предъ нимъ молебствіе о здравіи болящихъ Сергія и

Логгина, и оба они получили исцѣленіе. Это случилось 8 октября 1650 года. Съ того времени многіе больные стали притекать съ вѣрою къ чудотворной иконѣ и получали исцѣленія. Икона перенесена изъ Быковки въ соборъ въ 1652 году по указу царя Алексѣя Михайловича.

3. Образъ Спасителя высокаго Греческаго письма, въ золотой ризѣ, перенесенный изъ упраздненнаго Муромскаго Борисоглѣбскаго монастыря.

4. Небольшой, весьма мелко и искусно вырѣзанный изъ пальмоваго дерева образъ Богородицы, въ видѣ панагіи съ частицами св. мощей, пожалованный императрицею Екатериною II духовнику ея, въ послѣдствіи епископу Владимірскому Павлу.

Много державныхъ возлегло на вѣчный покой подъ сѣнію величественнаго храма! Трое изъ нихъ, прославленные нетлѣніемъ и силою даровъ благодатныхъ, донынѣ невидимо покровительствуютъ своему престольному граду. Первый изъ нихъ, св. великій князь Андрей, прозванный за благочестіе Боголюбскимъ, основатель сѣвернаго великаго княженія, храмоздатель собора, невинный страдалецъ, вкусившій смерть отъ руки присныхъ своихъ, почиваетъ открыто у сѣверной оконечности иконостаса, въ серебряной ракѣ, устроенной усердіемъ Владимірцевъ въ 1820 году. Близь гробницы поставленъ образъ св. князя, во весь ростъ, искусно вышитый шелками, серебромъ и золотомъ — работа царевны Софіи Алексѣевны.

На другомъ концѣ иконостаса, близь южныхъ алтарныхъ дверей открыто покоится достойный сынъ Андреевъ, св. князь Глѣбъ, юный дѣвственникъ и молитвенникъ, перешедшій въ вѣчную жизнь, въ 20 лѣтнемъ возрастѣ, 20 іюня 1175 года, за 9 дней до страдальческой кончины боголюбиваго родителя. Еще издревле прославлены мощи св. Глѣба божественною силою: при нашествіи Батыя, когда соборный храмъ былъ объятъ пламенемъ, гробъ князя Глѣба остался неповрежденнымъ. При разграбленіи собора въ 1411 году, татары открыли гробъ, думая найти въ немъ церковныя сокровища, но внезапно вырвавшееся оттуда

пламя поразило ихъ ужасомъ и заставило бѣжать изъ храма. Въ тяжкое время нашествія Ляховъ и Литвы, когда враги русской земли, завладѣвшіе Суздалемъ и Юрьевымъ, подступили къ Владиміру, въ полночь, стражи соборнаго храма, замѣтивъ въ немъ какое-то необыкновенное освѣщеніе, дали знать о томъ причетнику, жившему близъ собора. Причетникъ не менѣе стражей былъ удивленъ чрезвычайнымъ свѣтомъ въ храмѣ; отперъ церковь, вошелъ и видитъ, что-кто-то сидитъ у гробницы св. князя Глѣба и говоритъ ему: „Не ужасайся, человѣче! Не предастъ Господь градъ сей въ руки враговъ: ибо мы соблюдаемъ его и молимъ всемилостиваго Бога и Матерь Его Пречистую Богородицу. Но иди къ протопресвитеру сей церкви, повѣдай ему все, что слышалъ отъ меня, лежащаго въ этомъ гробѣ“. Сказавъ это, св. князь Глѣбъ сталъ невидимъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и освѣшеніе въ храмѣ прекратилось.— Литовцы въ эту же ночь отступили отъ Владиміра, весьма худо укрѣпленнаго и почти беззащитнаго. Мощи св. князя-дѣвственника, открытыя въ 1702 году, почиваютъ въ серебряной ракѣ и отличаются необыкновенною мягкостію и гибкостію; нетлѣнная рука бѣла какъ рука живаго человѣка; она легко поднимается и разгибается въ локтевомъ составѣ. Не могу найдти словъ, чтобы выразить вамъ то чувство глубокаго умиленія, которое овладѣло мною, когда чудодѣйственная десница угодника Божія была возложена на грѣшную мою голову! Священный трепетъ пробѣгалъ по нервамъ моимъ, какъ отъ электрической искры, всѣ житейскія помышленія замерли, а сердце билось невыразимо-радостнымъ ощущеніемъ! О если бы можно было привести къ этой священной гробницѣ тѣхъ несчастныхъ людей, которые отрицаютъ все, чего не могутъ постигнуть своимъ слабымъ разумомъ при помощи чувствъ тѣлесныхъ! Пусть бы каждый изъ нихъ ощутилъ благодатное прикосновеніе мертвой по человѣчеству, но присно живой предъ Богомъ руки, и потомъ поднялъ бы голову изъ раки уже не съ прежними гордыми и лука-

выми помыслами, а съ глубокимъ сознаніемъ своихъ заблужденій и своей грѣховности!

Въ срединѣ соборнаго храма, за правымъ клиросомъ, между двумя столпами, богомольцы лобызаютъ открытыя мощи третьяго чудотворца Владимірскаго — св. великаго князя Георгія Всеволодовича, почивающія въ серебряной позолоченой ракѣ, устроенной въ 1645 году по обѣщанію святѣйшаго патріарха Іосифа, изъ келейной его казны. Сынъ в. князя Всеволода Георгіевича, прозваннаго Великимъ Гнѣздомъ, Георгій, еще при жизни отца прославился побѣдами, а наслѣдовавъ великое княженіе послѣ брата Константина, заботился о безопасности восточныхъ границъ Русской земли. Съ этою цѣлію онъ заложилъ (въ 1221 г.) Нижній-Новгородъ на Окѣ и Волгѣ; здѣсь построенъ имъ каменный храмъ Спасителю, какъ и въ Суздалѣ. Въ 1225 году основалъ онъ Юрьевецъ-поволгскій. Занимаясь отъ души устройствомъ Русской земли, посылалъ онъ своевойско на помощь новгородцамъ противъ ливонскихъ нѣмцевъ; и когда потомъ сами новгородцы вынудили его на войну, онъ охотно согласился на мирныя ихъ предложенія и поспѣшилъ прекратить кровопролитіе. Въ 1228 г. наказалъ онъ войною дикую Мордву; потомъ заставилъ Болгаръ просить у него мира.

Никто не могъ ожидать того страшнаго бѣдствія, которое висѣло надъ Русью. Въ 1237 году Татары опустошили Рязань. Георгій послалъ къ Коломнѣ сына своего Всеволода; тотъ былъ разбитъ и бѣжалъ, оставивъ юнаго брата Владиміра въ плѣну. Тогда в. князь увидѣлъ опасность: поручивъ сыновьямъ защищать стольный Владиміръ, онъ самъ отправился собирать войска на сѣверѣ. Въ праздникъ Срѣтенія Господня, 2 февраля 1238 года, Татары подошли къ Владиміру. Въ городѣ ли великій князь? спросили чиновники Батыя у Золотыхъ воротъ. Изъ города пустили въ отвѣтъ стрѣлы. Не стрѣляйте, кричали Татары и, показывая на плѣннаго князя Владиміра, говорили: узнаете ли княжича? Юный князь былъ блѣденъ и истомленъ страданіемъ. Всеволодъ и Мстиславъ заплакали. „Лучше намъ,

братцы, сказали они дружинамъ, умереть за святую вѣру, чѣмъ быть въ ихъ неволѣ. Все это навелъ на насъ Богъ за грѣхи наши." Февраля 6 Владимірцы увидѣли, что непріятель ставитъ вокругъ города стѣнобитныя орудія, а вечеромъ сталъ окружать его валами и тыномъ. Князья Всеволодъ и Мстиславъ, княгиня мать ихъ съ дочерьми и невѣстками, многіе вельможи собрались въ храмъ Богоматери и приняли отъ епископа Митрофана постриженіе въ схиму; всѣ принесли исповѣдь въ грѣхахъ своихъ, причастились св. таинъ и приготовились къ смерти. Февраля 7 въ воскресенье мясопустное городъ былъ взятъ и страшно опустошенъ. Святитель Митрофанъ, супруга Георгія Агаѳія, дочь Ѳеодора, невѣстки Марія и Христина страдальчески умерли въ пламени и дымѣ собора; сыновья Всеволодъ и Мстиславъ пали въ сраженіи, младшій Владиміръ убитъ еще прежде у Золотыхъ воротъ; большая часть жителей столицы умерщвлены, немногіе взяты въ плѣнъ. Георгій, получивъ вѣсть о такой участи своего семейства и народа, предалъ себя въ волю Божію. Онъ сказалъ: „такъ ли, Господи, угодно милосердію Твоему? Зачѣмъ я остался одинъ?"

Благовѣрный Георгій подъ тяжестію бѣдъ не только не палъ духомъ, но еще окрѣпъ. Удалясь въ Ярославль, дорогой взялъ онъ съ собою племянниковъ: Василька Ростовскаго и Всеволода Ярославскаго съ ихъ дружинами. Слыша же о страшномъ по огромному числу непріятелѣ, онъ рѣшился идти въ глухое мѣсто, на р. Сить, туда, гдѣ тянутся болота на огромныхъ пространствахъ. Здѣсь настигли его враги, закипѣла кровопролитная битва съ непріятелемъ многочисленнымъ и остервенѣлымъ; Русскія дружины, при всемъ мужествѣ, не устояли; в. к. былъ убитъ и съ нимъ пало множество войска его. Это было 4 марта 1238 года, Ростовскій епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлозерской стороны, отыскалъ въ кучѣ мертвыхъ обезглавленное тѣло в. к. Георгія. Онъ привезъ его въ Ростовъ и совершивъ надгробное служеніе, положилъ въ Ростовскомъ соборѣ; голова в. к. отыскана послѣ и положена въ гробъ его.

На второмъ году послѣ кончины тѣло страдальца св. вѣры и отчизны, по распоряженію брата его, в. к. Ярослава, торжественно перенесено было во Владимiръ и положено въ соборномъ храмѣ. Тогда увидѣли чудо: „глава святая прильнула къ святому тѣлу, такъ что и слѣда не было отсѣченія на выѣ его; правая рука поднята была, какъ бы у живаго, показывая наподвигъ.“

Современная лѣтопись такъ говоритъ о свойствахъ в. к. Георгія: „Юрій украшенъ былъ добрыми качествами. Онъ старался выполнять заповѣди Божіи и хранилъ страхъ Божій въ сердцѣ своемъ; помнилъ слова Господа: „о семъ познаютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.“ Даже врага своего отпускалъ съ дарами.... Былъ весьма милостивъ и не берегъ имѣнья своего, раздавая милостыню бѣднымъ, украшая храмы Божіи иконами и книгами; почиталъ чинъ иноковъ и священниковъ и подавалъ имъ нужное. Приносилъ Господу молитвы днемъ и ночью.“

Предъ мощами св. в. князя Георгія теплится огонь въ золотой лампадѣ, устроеной усердіемъ Великаго Князя Константина Николаевича, по случаю рожденія дочери его великой княжны Вѣры Константиновны. Древняя икона благовѣрнаго князя, лежавшая нѣкогда на гробницѣ его и украшенная стариннымъ басменнымъ окладомъ, стоитъ теперь въ иконостасѣ теплой церкви, пристроенной къ собору съ лѣвой стороны и посвященной св. князю Георгію. Близь раки на столпѣ написаны золотомъ стихи, присланные, какъ увѣряетъ преданіе, отъ императрицы Екатерины II-й:

„Желанье въ варварѣ горѣло
Людей моихъ сжать, какъ траву,
Мой жизни духъ лишить и тѣло,
За тѣмъ мечемъ отъялъ главу.
Но Богъ мой духъ, за вѣру праву.
Жить вѣчно внесъ въ небесну славу,
Главу-жъ прильнувшу къ тѣлу здѣсь,
Хранитъ чудесно и до днесь.“

Члены семейства страстотерпца Христова Георгія, окончившіе жизнь въ стѣнахъ сего храма и въ битвѣ съ врагами, почиваютъ вдоль сѣверной стѣны собора. Въ старинныхъ „рукописныхъ святцахъ" всѣ они внесены въ число святыхъ.

Много и другихъ князей Русскихъ нашли себѣ вѣчное успокоеніе въ древней усыпальницѣ княжеской: 1) в. к. Константинъ Всеволодовичь—братъ св. Георгія, тихій, кроткій и благочестивый, родоначальникъ владѣтельнаго дома князей Ростовскихъ, храмоздатель великолѣпнаго Ростовскаго собора, любившій просвѣщеніе и собравшій библіотеку въ то мрачное время невѣжества, когда многіе изъ князей были почти безграмотны. Умирая въ молодыхъ еще лѣтахъ († 1218 г.), онъ оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ говорилъ дѣтямъ своимъ: „любезныя дѣти, живите въ любви между собою, Бога бойтеся всею душею и заповѣди Его соблюдайте во всемъ; живите, какъ жилъ я: нищихъ, вдовъ и сирыхъ не презирайте, не уклоняйтесь отъ церкви, уважайте іерейскій и иноческій чинъ, слушайте книжное ученіе; будьте въ любви между собою и Богъ мира будетъ съ вами; слушайте старшихъ, они научатъ васъ добру, а вы еще молоды. Вижу, дѣти мои, что конецъ мой близокъ. Поручаю васъ Богу и пречистой Богородицѣ и брату моему Георгію, который вамъ будетъ вмѣсто меня". 2) Другой братъ и преемникъ св. в. к. Георгія, Ярославъ Всеволодовичь, возстановившій великое княженіе послѣ страшнаго разгрома Батыева, родитель св. Александра Невскаго, скончавшійся въ Ордѣ 30 сентября 1246 года. 3) Сынъ его Михаилъ; 4) Борисъ, сынъ св. князя Даніила Московскаго; 5) Изяславъ и 6) Мстиславъ—сыновья св. князя Андрея Боголюбскаго. На гробницѣ Изяслава лежитъ железный шеломъ его и три стрѣлы, или лучше сказать, метательныя копья, трехгранныя, въ $2^1/_2$ арш. длины и по 18 ф. вѣсу въ каждомъ; лѣтописецъ называетъ ихъ „самострѣльными богатырскими оружіями".

Между доблестными властителями земли русской почи-

ваютъ здѣсь и приснопамятные святители: блаж. Лука, епископъ Ростовскій и Суздальскій, по словамъ лѣтописца, „молчаливый, смиренный, милостивый къ убогимъ, ласковый ко всѣмъ (†1189);“ св. Симонъ, подвижникъ и игуменъ Кіево-печерскій, списатель житій Печерскихъ угодниковъ Божіихъ (всей 3-й части Патерика), первый епископъ Суздальскій и Владимірскій по волѣ св. Андрея Боголюбскаго (†1226); добрый пастырь блаж. святитель Митрофанъ, пострадавшій, вмѣстѣ съ семействомъ великокняжескимъ, при нашествіи Батыя; блаж. Серапіонъ, по сказанію современниковъ, „мужъ учительный и сильный въ божественныхъ писаніяхъ“, оставившій нѣсколько поученій, сохранившихся въ библіотекѣ Сергіевой Лавры и въ наше время изданныхъ. Особенно чтится здѣсь гробница блаж. Максима митрополита, родомъ Грека, пришедшаго во Владиміръ изъ раззореннаго Кіева. Здѣсь онъ преставился въ 1305 году и погребенъ въ соборѣ, близь входа на правой сторонѣ. Въ древнихъ святцахъ онъ называется святымъ и чудотворцемъ. Надъ гробницею святителя Максима поставленъ принадлежавшій ему образъ Богородицы, именуемый Максимовскимъ; онъ написанъ въ 1299 году, когда святитель, не имѣя надежнаго пристанища, переходилъ съ мѣста на мѣсто, и проливалъ теплыя молитвы предъ Богоматерью объ указаніи ему воли Божіей. Надпись на иконѣ говоритъ: „сей святый и чудотворный образъ пресв. Богородицы написанъ бысть въ л. 6807 (1299) по видѣнію Максима митрополита Владимірскаго и всея Руси, чудотворца, гречина родомъ; егда ему пришедшу отъ Кіева во Владиміръ и отъ путнаго шествія въ келліи своей мало уснувшу, абіе видитъ, аки на явѣ, свѣтъ великъ и необыченъ и въ томъ свѣтѣ явися ему пречистая Дѣва Богородица, держащи на руку превѣчнаго Младенца и глагола: рабе Мой Максиме! добрѣ пришелъ еси сѣмо посѣтити градъ Мой, и подаде ему омофоръ, глаголя: пріими сей омофоръ и паси въ градѣ Моемъ словесныя овцы. Онъ же пріемъ возбудися отъ сна и въ келліи никогоже видѣ. И омофоръ обрѣтеся въ руцѣ его. Онъ же страхомъ объятъ

бысть на многъ часъ, абіе повѣда в. к. Андрею (сыну св. Александра Невскаго) и построиша ковчегъ златъ и положиша въ него той омофоръ и прославися сіе чудо по всей Русской землѣ и Палестинѣ. И повелѣ написати сей образъ тѣмъ подобіемъ, якоже видѣ Максимъ святый. А омофоръ святый во время безбожнаго царевича Талыча, егда плѣни градъ и раззори (въ 1411 году) гдѣ скончался, (куда дѣвался) невѣдомо."

Въ соборѣ погребены трое епископовъ Владимірскихъ прошедшаго столѣтія: Платонъ († 1757), Павелъ (†1769) и Іеронимъ (†1783). Два послѣдніе оставили по себѣ память возобновленіемъ соборнаго храма, по волѣ Екатерины II-й.

На хорахъ, гдѣ были нѣкогда потаенныя палаты, въ которыхъ задохлись отъ дыма супруга и дѣти св. князя Георгія, въ страшный день раззоренія Владиміра Батыемъ, сохраняется теперь соборная ризница, небогатая древними утварями, послѣ многихъ пожаровъ, раззореній и разграбленій. Впрочемъ здѣсь сохранились: золотой потиръ, вкладъ царей Іоанна и Петра и царевны Софіи, присланный въ 1686 году; два покрова того же времени на мощи св. князя Георгія, съ изображеніемъ его обнизаннымъ жемчугомъ; напрестольный крестъ съ мощами, пожертвованный въ 1642 году вкладчикомъ „имя ему Богъ вѣсть"; замѣчательный большой ковшъ, употребляемый при водоосвященіи, серебряный, плоскодонный. Этотъ ковшъ былъ пожалованъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ стольнику Андрею Тимоѳеевичу Племянникову, а сыномъ его отданъ въ соборъ, какъ видно изъ надписи внутри ковша: „1708 году генваря въ 15 день, сей ковшъ далъ вкладу во Владиміръ, въ соборную церковь пречистыя Богородицы Успенія, стольникъ Григорій Андреевичь по обѣщанію своему за совершившееся чудо цѣльбы отъ Бога, предстательствомъ Богоматери и святыхъ чудотворцевъ, отъ смертныхъ вратъ на животъ возвращеніе". Въ записяхъ соборныхъ значится, что Григорій Племянниковъ получилъ исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни по молитвѣ предъ Владимір-

ской иконою Богоматери, писанною св. митрополитомъ Петромъ, и рѣшился употребить все свое имущество на поправку соборной церкви, которая совершенно обветшала, оставаясь триста лѣтъ безъ поддержки и клонилась къ разрушенію. Племянниковъ поновилъ ветхія иконы, поправилъ старинный иконостасъ, украсилъ одинъ изъ придѣловъ и началъ было укрѣплять стѣны собора извнѣ контрфорсами изъ бѣлаго камня, но смерть усерднаго благотворителя прекратила работу, и начатые имъ огромные контрфорсы окончены уже пожертвованіями другихъ лицъ.

Когда я вышелъ изъ собора, солнце клонилось къ западу, озаряя послѣдними лучами громадную бѣлую массу древняго соборнаго храма и величавую колокольню новѣйшаго зодчества, построенную въ 1809 году. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть Димитріевскій соборъ, но онъ былъ запертъ и причтъ его живетъ далеко. Надѣюсь поговорить объ этомъ древнемъ и весьма красивомъ храмѣ въ слѣдующемъ письмѣ.

26 іюня 1868 г.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Сегодня удалось мнѣ осмотрѣть Димитріевскій соборъ, который отдѣляется отъ Успенскаго Златоверхаго длиннымъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ. Лѣтописи умалчиваютъ о годѣ построенія этого замѣчательнаго храма; онѣ говорятъ только, что в. к. Всеволодъ (Большое Гнѣздо) поставилъ на дворѣ своемъ „прекрасную церковь великомученика Димитрія, дивно украсилъ ее иконами и писаніемъ (стѣннымъ) и перенесъ изъ Солуня гробовую доску св. Димитрія.“ Но изъ тѣхъ же лѣтописей видно, что въ 1193 году этой церкви еще не было, а въ 1197 году гробовая дска великомученика была поставлена уже въ готовой церкви, а потому закладку храма можно отнести къ 1194 или 1195 году. При построеніи храма, Всеволодъ не нуждался въ мастерахъ иноземныхъ („отъ нѣмецъ“, какъ выражается лѣтописецъ), и имѣлъ готовый

образецъ въ церкви Покрова, близь Боголюбова, построенной Андреемъ Боголюбскимъ.

Соборъ сложенъ изъ известковаго бѣлаго камня, привезеннаго изъ Болгаріи, по Волгѣ. Кладка зданія полубутовая: выводили параллельно двѣ стѣны, внутреннюю и внѣшнюю (послѣдняя служила облицовкою); промежутокъ ихъ наполняли булыжникомъ, обломками бѣлаго камня, и заливали известковымъ растворомъ, часто съ примѣсью ячменной или ржаной мякины: этотъ цементъ такъ окрѣпъ отъ времени, что при возобновленіи церкви во многихъ мѣстахъ оказался тверже камня внѣшней стѣны. Наружный видъ храма напоминаетъ Спасскій соборъ въ Переславлѣ-Залѣсскомъ (построенъ в. к. Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году), съ тремя входными дверями на трехъ сторонахъ, кромѣ восточной, которая выдвигается впередъ тройнымъ олтарнымъ полукружіемъ. Своды (комары), опираясь на четырехъ внутреннихъ столпахъ, сведены подъ барабанъ и увѣнчаны шарообразною главою. На вершинѣ ея красуется мѣдный крестъ четвероконечный, съ красивою сквозною рѣзьбою изъ птичекъ и листьевъ; въ основаніи его полумѣсяцъ съ поднятыми вверхъ рогами. Наверху креста — птица (голубь). Придумано нѣсколько замысловатыхъ догадокъ для объясненія значенія этой птицы, но дѣло объяснилось, само собой, очень просто. При снятіи креста для поновленія, оказалось, что желѣзный прутъ, на которомъ утверждена птица, заржавѣлъ. По очисткѣ ржавчины, птица стала вертѣться во всѣ стороны по направленію вѣтра: понятно, что голубь съ распростертыми крыльями, служилъ для указанія вѣтровъ.

Особенно замѣчательны наружныя украшенія собора. Лицевыя стороны его (кромѣ восточныхъ полукружій) покрыты рельефными изображеніями, изсѣченными на тѣхъ же камняхъ, изъ которыхъ сложены стѣны: здѣсь видимъ образъ Спасителя и лики святыхъ среди растеній и животныхъ въ разныхъ положеніяхъ. Нѣкоторые любители древности видятъ въ этихъ изображеніяхъ, олицетвореніе псалма: „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“, другіе—ука-

заніе на одно изъ мѣстъ Апокалипсиса, гдѣ сказано, что всякое созданіе на небѣ, на землѣ, подъ землею и на морѣ славословитъ Сѣдящаго на престолѣ и Агнца (Апокалипс. V. 13); но едвали можно принять такое толкованіе, потому что, кромѣ естественныхъ, находится много баснословныхъ звѣрей и человѣческихъфигуръ въ разныхъ положеніяхъ: напримѣръ двое борющихся; воинъ, закалывающій фантастическаго звѣря; человѣкъ, держащій лукъ въ рукахъ; другой, сидящій на львѣ; третій, также сидящій на львѣ и раздирающій ему пасть; гарпія, предлагающая какое-то орудіе стоящему на заднихъ лапахъ льву; два кентавра въ разныхъ положеніяхъ; львы раздирающіе козу, оленя, быка; грифонъ и орелъ, терзающіе маленькаго звѣрка; оселъ стоящій на заднихъ ногахъ передъ виноградымъ кустомъ; орлы въ геральдической постановкѣ. Трудно также принять мнѣніе графа С. Г. Строганова, что многія изображенія, намекающія на ристалище амфитеатра, и на древнія медали Македоніи, напоминаютъ событія изъ жизни св. великомученика Димитрія, который былъ проконсуломъ въ Македоніи и навлекъ на себя гнѣвъ царскій покровительствомъ одному изъ бойцевъ цирка; въ такомъ случаѣ чѣмъ же объяснить остальныя изображенія? Не простѣе ли принять всѣ эти наружныя украшенія храма за проявленіе своеобразной фантазіи художника?

Вмѣстѣ съ другими храмами Владиміра и Димитріевскій соборъ подвергался многократно ограбленію и опустошенію отъ Татаръ и Литвы, а потому въ немъ не сохранилось никакихъ остатковъ внутренняго великолѣпія. Гробовая дска Селунская, съ написанною на ней иконою великомученика, перенесена въ Московскій Успенскій соборъ, гдѣ и теперь сохраняется. При царѣ Іоаннѣ Грозномъ, къ собору пристроены два придѣла съ притворомъ и колокольнею. Этѣ пристройки отнимали у храма первоначальный древній его видъ, а потому покойный императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ Владиміръ въ 1834 году, повелѣлъ возстановить Димитріевскій храмъ въ первобытномъ его видѣ. Возобновленіе, съ уничто-

женіемъ позднѣйшихъ пристроекъ, произведено на счетъ казны особою коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ графа С. Г. Строганова. Послѣ того соборъ освященъ въ 1847 году, а четыре года спустя купецъ Никитинъ устроилъ новую мѣдную крышу на верхнемъ куполѣ и позолотилъ ее.

Когда при возобновленіи отбили штукатурку, внутри храма оказалась подъ ней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнная живопись, лучше сохранившаяся на парусахъ сводовъ подъ хорами у западной стѣны: на ней подъ южною аркою изображена Матерь Божія, сидящая на тронѣ съ двумя по сторонамъ Ея ангелами. Подлѣ представлены праотцы: Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ съ надписями ихъ именъ; на самомъ краю видѣнъ слѣдъ стоящаго добраго разбойника съ высокимъ осмиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ. У Авраама на лонѣ Іисусъ младенецъ, озаренный небеснымъ свѣтомъ, а по обѣимъ сторонамъ вѣроятно праведники въ уменьшенномъ размѣрѣ и въ разныхъ положеніяхъ. Всѣ эти фигуры изображены сидящими въ вертоградѣ между фантастическими деревьями, на которыхъ видны птицы; на другой сторонѣ арки представлены двѣ горы: при одной на первомъ планѣ изображенъ въ разныхъ одѣяніяхъ соборъ святыхъ, предводимый Петромъ апостоломъ, съ надписью въ двухъ строкахъ: „Агіосъ", и: „Петръ ведетъ вся святыя въ рай." При другой два трубящихъ ангела съ надписью: „ангелъ трубитъ въ землю, ангелъ трубитъ въ море."

У западной стороны надъ входомъ, по обѣимъ сторонамъ средней большой арки изображенъ соборъ апостоловъ и ангеловъ; апостолы по шести на каждой сторонѣ сидятъ на престолахъ съ книгами въ рукахъ, какъ бы готовясь судить, по слову Спасителя, двѣнадцать колѣнъ Израиля; за ними стоятъ въ нѣсколько рядовъ ангелы съ жезлами, оканчивающимися на подобіе лиліи. Эти рисунки составляютъ часть изображенія страшнаго суда, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ перешедшихъ въ Россію древнихъ греческихъ подлинниковъ; надобно полагать, что недостатокъ мѣста заставилъ художника ограничиться нѣ-

которыми частями первоначальной картины, и что при допущенныхъ измѣненіяхъ, онъ не только не стѣснялся современными начертаніями, но даже далъ совершенно новое расположеніе фигурамъ, оставаясь впрочемъ вѣрнымъ принятому на востокѣ обычаю, писать страшный судъ на западной сторонѣ церкви. Въ рисовкѣ замѣчается вообще смѣлость, намекающая на кисть самостоятельнаго мастера; въ фигурахъ не видно ни неподвижности, ни сухости, ни условнаго расположенія складокъ—обыкновенныхъ признаковъ Византійскаго иконнаго стиля. Эти любопытныя фрески очевидно относятся къ времени построенія собора, но Русскія на нихъ подписи, по мнѣнію знатоковъ дѣла принадлежатъ къ началу XV вѣка. Онѣ могли быть сдѣланы при возобновленіи стѣнописи, которое приписывается преданіемъ знаменитому иконописцу-подвижнику, блаж. Андрею Рублеву.

Иконостасъ въ древнемъ вкусѣ, плоскій, пяти-ярусный, съ иконами греческаго письма. Нѣкоторыя изъ нихъ—старинныя, но всѣ онѣ принадлежали прежде другимъ церквамъ, откуда въ разное время взяты въ соборъ. Изъ числа вкладовъ замѣчательны: 1) Серебряные сосуды, пожертвованные въ 1714 году царевною Маріею Алексѣевною, сестрою императора Петра I; 2) серебряные вызолоченные сосуды со всѣмъ приборомъ, устроенные по древнему рисунку, повелѣніемъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича, въ 1845 году; 3) Деревянный раскрашенный подсвѣчникъ, поставленный въ храмѣ св. Димитрія, какъ видно изъ надписи, въ 1604 году.

Въ югозападномъ углѣ собора погребенъ бывшій намѣстникъ Владимірскій и Костромскій, генералъ-аншефъ графъ Романъ Илларіоновичъ Воронцовъ (сконч. въ 1783 году). Памятникъ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора поставленъ надъ могилою сыновьями его, и возобновленъ въ 1841 году внукомъ, графомъ Михаиломъ Семеновичемъ (въ послѣдствіи княземъ и фельдмаршаломъ).

Недалеко отъ соборовъ, при началѣ Дворянской улицы,

возвышаются Златыя врата, построенныя Андреемъ Боголюбскимъ, при въѣздѣ въ городъ съ западной стороны. Онѣ заложены въ 1158 году и окончены въ 1164 году, при чемъ въ верхней ихъ части сооружена была церковь Положенія ризы Богоматери.

Семь вѣковъ пронеслись надъ древнимъ зданіемъ, и теперь всякій, сколько нибудь знакомый съ Русскимъ старинным зодчествомъ, съ перваго взгляда увидитъ, что врата потерпѣли большія перемѣны въ первоначальномъ, оригинальномъ своемъ видѣ. Старожилы утверждаютъ даже, что до пожара, бывшаго въ 1778 году 28 іюля, онѣ были выше, и помнятъ, что шпицъ ихъ украшался огромнымъ шаромъ. Пониженіе произошло естественно, отъ самаго времени, дѣйствующаго особенно на зданія безъ фундамента, а главное измѣненіе первобытнаго вида состоитъ въ пристройкѣ четырехъ готическихъ башенъ по обѣимъ сторонамъ, вмѣсто контрфорсовъ, по повелѣнію императрицы Екатерины, запретившей строго мѣстному начальству, доносившему объ угрожавшей опасности паденія обветшавшаго зданія, разрушать такую драгоцѣнную древность. Въ лѣтописцахъ не находимъ свѣдѣній о причинѣ постройки Златыхъ воротъ, но можно думать, что строитель имѣлъ въ виду подражаніе Царюграду и Кіеву: въ первомъ изъ нихъ Золотыя ворота воздвигнуты Ѳеодосіемъ Великимъ послѣ побѣды надъ хищникомъ престола Максимомъ, а въ Кіевѣ великимъ Ярославомъ въ память разбитія Печенѣговъ подъ стѣнами Кіева. Въ сѣверномъ великомъ княженіи было много подражаній южному; такъ рѣки и ручейки получили названіе южныхъ рѣкъ: Трубежа въ Переславлѣ Залѣсскомъ, Лыбеди и Почайны во Владимірѣ.

Нынѣшняя Ризположенская церковь на Золотыхъ воротахъ однопрестольная, безприходная, устроена въ началѣ нынѣшняго столѣтія, бывшимъ Владимірскимъ губернаторомъ княземъ И М. Долгорукимъ, и недавно возобновлена. Въ ней нѣтъ ничего древняго, но иконостасъ мелкой рѣзьбы въ старинномъ вкусѣ очень красивъ.

На западной сторонѣ воротъ замѣчательна, по историческому воспоминанію, икона, на которой представленъ св. князь Андрей, молящійся предъ Владимірскою иконою Божіей Матери и нѣсколько человѣкъ, чудесно спасшихся подъ развалинами. Въ рукописномъ житіи Боголюбскаго это событіе описано такъ: „Когда в. к. Андрей создалъ каменныя Златыя врата во Владимірѣ и на нихъ устроилъ прекрасную церковь, тогда стало сходиться туда множество народа, чтобы полюбоваться на красоту зданія. Известь, соединявшая сводъ надъ проѣздомъ, еще была сыра и вдругъ ворота упали, заваливъ собою двенадцать человѣкъ. Боголюбивый князь припалъ со слезами къ чудотворному образу Богородицы, обвиняя себя въ погибели этихъ людей; но когда упавшее зданіе было разобрано, всѣ они оказались живыми и нисколько не повреждеными, по молитвамъ пресв. Богородицы.“

Къ обѣимъ сторонамъ Златыхъ воротъ примыкалъ высокій земляной валъ, на которомъ поставлена была деревянная стѣна—старинное укрѣпленіе и вмѣстѣ граница города. Стѣны давно уже нѣтъ и валъ нѣсколько отдаленъ отъ воротъ, для болѣе удобнаго проѣзда. Напротивъ Золотыхъ воротъ, на Студеной горѣ, стоялъ Батый съ своими страшными полчищами; отсюда ворвались они въ городъ. Здѣсь пали юные князья, сыновья св. в. к. Георгія Всеволодовича.

Кромѣ Золотыхъ воротъ, во Владимірѣ были Серебряныя, Мѣдныя, врата св. Ирины и Волжскія. Старожилы говорятъ, что въ концѣ прошедшаго столѣтія, противъ Золотыхъ вратъ, въ соотвѣтственность имъ, на другомъ концѣ городскаго вала, были видны развалины вратъ, подобныхъ Золотымъ, и то были Серебряныя. Гдѣ находились Мѣдныя—неизвѣстно. Врата св. Ирины были отъ рѣчки Лыбеди, а Волжскія отъ р. Клязьмы.

Времени, какъ вамъ извѣстно, у меня очень мало: спѣшу въ Суздаль. Сегодня же, а можетъ быть еще завтра, надѣюсь осмотрѣть бывшій Рождественскій монастырь (те-

перь архіерейскій домъ) и женскую Успенскую обитель. Въ слѣдующемъ письмѣ напишу вамъ объ этихъ двухъ священныхъ достопамятностяхъ Владиміра.

Г. Владиміръ. 28 іюня 1868 года.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Спѣшу сказать вамъ нѣсколько словъ о двухъ монастыряхъ Владимірскихъ. Первый изъ нихъ — Рождественскій занимаетъ въ числѣ здѣшнихъ достопамятностей важнѣйшее мѣсто, послѣ двухъ соборовъ, по своей древности и знаменитости. Основанный в. к. Всеволодомъ Георгіевичемъ въ 1192 году, онъ занималъ первую степень между всѣми монастырями сѣверной Руси, до временъ царя Іоанна Грознаго, предоставившаго первенство Радонежской лаврѣ преп. чудотворца Сергія. Архимандриты Рождественскіе присутствовали на всѣхъ соборахъ, подписываясь первыми послѣ епископовъ; многіе изъ нихъ возводимы были на архіерейскія каѳедры, двое послѣднихъ были членами Св. Сѵнода. Въ 1744 году, по указу императрицы Елисаветы, Рождественскій монастырь обращенъ въ архіерейскій домъ для назначеннаго тогда епископа на возобновленную Владимірскую каѳедру.

Прежняя соборная церковь Рождества Богородицы, современная основанію монастыря, еще уцѣлѣла, хотя не безъ поврежденій. Квадратъ ея складенъ изъ бѣлаго камня, но не съ деревянными, а съ желѣзными связями, безъ печей внутри. Глава и кровля недавно покрыты бѣлымъ желѣзомъ въ гладь. Входныхъ дверей трое; надъ западными дверями еще уцѣлѣла узорочная рѣзьба на камнѣ въ византійскомъ стилѣ. Храмъ освѣщается 23 окнами въ два свѣта, съ дугообразными перемычками и съ желѣзными затворами. На внѣшнихъ стѣнахъ замѣтны слѣды пожаровъ, замѣна бѣлаго камня кирпичемъ, и раздѣлка оконъ;

были и позднѣйшія пристройки, но въ недавнее время уничтожены. Олтарь состоитъ изъ трехъ отдѣленій. У западныхъ дверей снаружи уцѣлѣла часть надписи, вырѣзанной вглубь на камнѣ; она указываетъ на время основанія монастыря 6699 (1192) года слѣдующими словами: „начало Рожествена монастыря лѣта ҂ЅХЧѲ." Внутренность храма, возобновляемаго въ прежнемъ его видѣ, еще не отдѣлана.

Кромѣ главнаго храма въ бывшемъ монастырѣ замѣчательна ризница, восточныя св. врата и новая зимняя церковь. Въ ризницѣ находятся слѣдующія древнія вещи: 1) икона св. благовѣрнаго в. к. Александра Невскаго въ видѣ складня, превосходнаго древняго письма. Св. князь изображенъ въ схимѣ, какъ всегда писался онъ до времени императора Петра I, который повелѣлъ изображать героя Невскаго не иначе, какъ въ княжескомъ и воинскомъ одѣяніи. На створахъ складня написаны св. князья Борисъ и Глѣбъ. 2) Другая икона св. в. к. Александра писанная, какъ видно изъ надписи, въ 1690 году, съ ковчегомъ, въ который вложена часть нетлѣннаго перста сего великаго заступника Русской земли. 3) Надгробная пелена, съ превосходно-вышитымъ изображеніемъ того же благовѣрнаго князя, въ схимническомъ одѣяніи. Вокругъ на поляхъ, вышитъ золотомъ древній тропарь, а внизу слѣдующая надпись: „лѣта 7121 (1613 г.) приложила сію пелену церкви великаго князя Александра Ярославича всея Руси чудотворца царица (слѣдовало бы сказать: царевна) Параскевія" (изъ рода Соловыхъ, вдова царевича Іоанна, старшаго сына Грознаго царя). 4) Весьма древняя запрестольная икона Рождества Богородицы, написанная на каменной дскѣ по серебрянному, а не по золотому, полю (рѣдкость между древними иконами). На задней сторонѣ изображены Владимірскіе чудотворцы-князья, св. Іоаннъ Златоустый, мученики Фотій и Аникита. 5) Евангеліе выхода 1644 года съ надписью по листамъ рукою блаж. Иларіона, митрополита Суздальскаго. 6) Саккосъ золототравчатый старинной матеріи, съ надписью

по рукавамъ и подолу, изъ которой видно, что онъ устроенъ въ 1682 году для перваго митрополита Суздальскаго Иларіона. 7) Рипиды красной мѣди, густо вызолоченныя — вкладъ Іоны архіепископа Вологодскаго, въ 1590 году. 8) „Вкладная книга Рожествена монастыря", писанная въ 7193 (1685) году, при архимандритѣ Іосифѣ. Если бы я не боялся утомить вашего вниманія исчисленіемъ многихъ замѣчательныхъ древнихъ предметовъ, я могъ бы сказать еще о нѣсколькихъ напрестольныхъ крестахъ и водосвятной чашѣ XVII вѣка, о двухъ серебряныхъ блюдахъ западно-европейской работы, и о многихъ старинныхъ панагіяхъ.

Выходя изъ ризницы, устроенной на мѣстѣ прежней надворотной церкви, нельзя не обратить вниманія на закладенныя восточныя врата. Надъ аркою ихъ изображено Знаменіе пресв. Богородицы и предъ нимъ колѣнопреклоненные, съ правой стороны: митрополитъ Максимъ, великіе князья Андрей и Глѣбъ, а съ лѣвой св. Александръ Невскій, великій князь Георгій и великомученикъ Аврамій, Владимірскіе чудотворцы. На стѣнахъ и сводахъ воротъ сохранились фрески, сходные съ открытыми подъ слоями штукатурки въ Дмитріевскомъ соборѣ. Вверху подъ самыми вратами изображенъ Деисусъ, а по своду на обѣихъ сторонахъ сѣдящіе на престолахъ дванадесять апостоловъ съ разгнутыми въ рукахъ книгами. За апостолами видны сонмы ангеловъ, держащихъ въ одной рукѣ начертаніе имени Іс. Хр., а въ другой жезлъ съ монограммою того же имени на верху. При подножіи Спасителя, по лѣвую сторону, представляется адъ съ віющимся отъ него зміемъ, котораго попираетъ ногою Ангелъ. На правой сторонѣ изображенъ рай, гдѣ сидятъ на престолахъ праотцы Авраамъ, Ісаакъ и Іаковъ; при вратахъ его видѣнъ нагой человѣкъ съ язвами на рукахъ и на ногахъ, съ четвероконечнымъ крестомъ въ рукѣ. Это благоразумный разбойникъ, по надписи Рахъ, которому Спаситель сказалъ со креста: „днесь со Мною будеши въ раи". На выступахъ изображены Владимірскіе чудотворцы и два Ангела, одинъ

трубящій на море, а другой на землю. Хотя время этихъ фресковъ исторически не опредѣлено; но, по стилю своему, они, вѣроятно, относятся къ тому вѣку, когда Андрей Рублевъ съ дружиною расписывалъ во Владимірѣ соборы. Благодаря попеченіямъ просвѣщенныхъ архипастырей Владиміра, эти фрески тщательно сохраняются съ небольшимъ поновленіемъ по древнимъ очеркамъ.

Новый теплый храмъ, обширный и свѣтлый, построенъ при преосвящ. Ѳеофанѣ, бывшемъ епископѣ Владимірскомъ и превосходно расписанъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Здѣсь временно стоитъ надгробница, прикрывавшая собою мѣсто могилы св. Александра Невскаго въ древнемъ Рождественскомъ соборѣ и хранится неоцѣненное сокровище — икона Знаменія Богородицы весьма древняго греческаго письма, принадлежавшая св. Александру, бывшая при немъ въ достославныхъ битвахъ со Шведами и Ливонскими рыцарями и послѣ стоявшая всегда при ракѣ сего великаго поборника вѣры и отечества. Оплечья и поля на иконѣ басменной работы, серебряныя, позолоченныя; на Божіей Матери вѣнецъ сканный съ цѣниною, края вѣнца обнизаны въ одинъ рядъ жемчугомъ; поверхъ вѣнца корона съ эмалью, вычеканенная городками и украшенная драгоцѣнными камнями и жемчужинами, укрѣпленными на серебряной проволокѣ. Убрусъ на главѣ Богоматери низанъ изъ мелкаго жемчуга; посреди его рѣпей позолоченный, съ бурмицкими зернами; оплечья по малиновому атласу, также низаны жемчугомъ, цата сканной работы. На Предвѣчномъ Младенцѣ вѣнецъ и цата серебряныя, позолоченныя съ цѣниной, вѣнецъ жемчужный съ изумрудами и алыми яхонтами.

При видѣ этой дивной иконы невольно припоминаются подвиги и заслуги благовѣрнаго Князя. Не стану здѣсь исчислять ихъ: они вполнѣ извѣстны вамъ, знакомы и читателямъ Душеполезнаго Чтенія по моимъ „разсказамъ изъ исторіи Русской Церкви“.

Взглянемъ только на одну, самую свѣтлую черту жизни св. Александра, на одинъ, самый драгоцѣнный перлъ

нетлѣннаго вѣнца его: побѣдитель Шведовъ на берегахъ Невы, защитникъ Пскова противъ Ливонскихъ рыцарей, которые долго не могли забыть страшнаго для нихъ „ледоваго побоища“, поборникъ православія противъ происковъ лукаваго Рима, безпрекословно идетъ въ Орду по требованію гнѣвнаго Хана,— готовый пожертвовать жизнію, чтобы не навлечь на родную землю новаго опустошенія и пагубы. Забывая свою воинскую славу, онъ преклоняетъ предъ варваромъ голову, увѣнчанную лаврами многихъ побѣдъ.... И это глубокое смиреніе, эта горячая любовь къ своему народу, не остались безъ награды: не только на землѣ достославное имя Александра сіяетъ въ исторіи, но оно вписано на небесахъ, въ ликѣ избранниковъ Божіихъ; неусыпный труженикъ и заступникъ земли Русской въ земной жизни, становится небеснымъ ея заступникомъ по блаженной кончинѣ. Возвращаясь изъ Орды съ радостною вѣстію объ умилостивленіи хана, св. Александръ занемогъ въ Городцѣ (нынѣ Касимовѣ). Предчувствуя, что близокъ конецъ его, онъ принялъ ангельскій образъ съ именемъ Алексія и 14 ноября 1263 года предалъ духъ свой Господу.

Во Владимірѣ еще не знали о кончинѣ св. князя. Во время богослуженія, блаж. первосвятитель Кириллъ внезапно возвѣщаетъ народу: „уже зашло солнце земли Русской.“ Народъ не понялъ или не хотѣлъ понять этихъ словъ. Сокрушенный скорбію святитель, помолчавъ, прибавилъ: „благовѣрный великій князь Александръ нынѣ преставился.“ При этой вѣсти исторгся изъ устъ народа единодушный вопль сердецъ: „мы погибаемъ!“ Такъ выразилось чувство народное при вѣсти о незамѣнимой потерѣ! За девять верстъ вышелъ весь Владиміръ встрѣтить погребальное шествіе защитника земли Русской! — Во время отпѣванія князя въ соборѣ Рождественской обители стонъ народа былъ невыразимый. И здѣсь же, къ утѣшенію осиротѣвшей Россіи, Господь показалъ, что защитникъ ея живъ предъ Нимъ. Когда митрополитъ Кириллъ, при окончаніи погребальнаго пѣнія, подошелъ къ усопшему, что-

бы вложить въ руку его прощальную грамоту, блаж. князь, какъ бы пробудившись отъ сна, простеръ руку, принялъ хартію и сложилъ опять крестообразно руки на груди. Въ первое мгновеніе ужасъ объялъ всѣ сердца: но потомъ онѣ слились въ благодарной хвалѣ благости небесной къ блаж. князю и ко всей землѣ Русской. Это было 23 ноября.

Въ 1380 г., когда в. к. Димитрій вступалъ въ рѣшительную битву съ Мамаемъ за свободу Россіи, одинъ благоговѣйный инокъ, въ тишинѣ ночной, молился въ храмѣ Рождественской обители. И вотъ онъ видитъ, у гроба благ. князя свѣчи зажглись сами собой, къ гробу подошли два святолѣпныхъ старца и говорили св. князю: „востань, Александръ, поспѣши на помощь къ сроднику твоему в. к. Димитрію; его одолѣваютъ иноплеменники". Св. Александръ всталъ и всѣ стали невидимы. Смиренный инокъ, пораженный страхомъ, умолчалъ было о видѣніи. Но когда оказалось, что видѣніе было именно въ ночь знаменитой битвы Куликовской, онъ уже боялся молчать и повѣдалъ все митрополиту. Святитель открылъ гробъ св. князя. Спустя 117 лѣтъ послѣ погребенія, св. тѣло оказалось нетлѣннымъ. Съ честію положили его въ ракѣ поверхъ земли, и отъ него потекли различныя исцѣленія: слѣпые прозирали, разслабленные укрѣплялись, бѣсноватые освобождались отъ духовъ нечистыхъ.

Въ древнемъ соборномъ храмѣ Рождественскаго монастыря, близь южныхъ вратъ алтаря, 342 года почивали нетлѣнныя мощи св. героя Невскаго, до того времени (1723 г.), когда по волѣ императора Петра I, онѣ перенесены были въ новую столицу на берега Невы, прославленные побѣдами Александра. Владимірскіе жители со скорбію проводили свою отечественную святыню, и въ народѣ сохранилось преданіе, что тѣ ворота Рождественскаго монастыря, чрезъ которыя вынесены были св. мощи благовѣрнаго князя, съ того времени закладены наглухо.

Изъ Рождественскаго монастыря поспѣлъ я, послѣ вечерни, въ Успенскую дѣвичью обитель. Она устроена тѣмъ же достойнымъ дѣдомъ св. Александра Невскаго, в. к. Все-

володомъ, въ 1202 году, по желанію благочестивой супруги его, купившей землю подъ монастырь на собственныя деньги. Древняя церковь, послѣ многихъ пожаровъ, раззореній и перестроекъ, немного сохранила изъ своего первоначальнаго вида; при первомъ взглядѣ нельзя узнать храма, построеннаго въ началѣ XIII вѣка. По обѣимъ сторонамъ пристроены два придѣла, на мѣстѣ прежнихъ палатокъ-усыпальницъ. Въ алтарѣ лѣваго придѣла—гробница основательницы монастыря, супруги в. к. Всеволода Маріи, дочери Чешскаго князя Шварна, родоначальницы многочисленнаго семейства, отличавшагося благочестіемъ: сынъ ея в. к. Георгій, внуки Александръ Невскій, Ѳеодоръ Новгородскій, Василій Ростовскій, Романъ Углицкій, правнуки Даніилъ Московскій, Василій и Константинъ Ярославскіе сіяютъ въ ликѣ угодниковъ Божіихъ. Лѣтописцы называютъ ее Русскою Еленою, Ѳеодорою, второю Ольгою. Послѣднія семь лѣтъ жизни она провела въ тяжкомъ недугѣ, уподобляясь Іову необыкновеннымъ терпѣніемъ, и за 18 дней до кончины приняла постриженіе въ своемъ монастырѣ. Самъ Всеволодъ, сынъ его Георгій и дочь Всеслава, духовенство, бояре, черницы и почти все населеніе Владиміра провожали съ горькими слезами, мудрую и благочестивую княгиню, которую всѣ любили за доброту и милосердіе. Она перешла въ блаженную вѣчность 19 марта 1206 года. Въ монастырѣ, который долго назывался „Княгининымъ", донынѣ свято чтится память княгини Маріи.

Въ другомъ придѣлѣ погребены: вторая супруга в. к. Всеволода Анна, дочь его княжна Елена, двѣ супруги св. Александра Невскаго — Александра и Васса и дочь его Евдокія, скончавшаяся въ младенчествѣ.

Посреди храма, между двухъ столповъ правой стороны, почиваютъ открыто мощи св. мученика Аврамія. Богатый купецъ, родомъ Болгаринъ, Аврамій пребылъ непоколебимымъ въ исповѣданіи Христовой вѣры, и за то пострадалъ отъ Болгаръ, старавшихся въ продолженіи многихъ дней ласками и угрозами преклонить его къ сво-

ему магометанскому зловѣрію. Онъ умерщвленъ, въ такъ называвшемся „великомъ градѣ Болгарахъ“, 1229 г. апр. 1 дня. Купцы Русскіе, бывшіе свидѣтелями тяжкихъ страданій мученика, похоронили тѣло его въ Болгарахъ.

Великій князь Георгій Всеволодовичь, побѣдами своими надъ Болгарами довелъ ихъ до того, что они принуждены были придти къ нему съ покорностью и просить мира. Князь согласился, но съ тѣмъ, чтобы они отдали гробъ съ мощами муч. Аврамія. Условіе было заключено, согласно съ желаніемъ Князя, и мощи св. муч. Аврамія, по истеченіи около года послѣ того, какъ онъ былъ умерщвленъ, были перенесены во Владиміръ 6 марта 1230 года и положены въ каменномъ гробѣ, въ монастырѣ Княгининѣ. Въ послѣдствіи времени, св. мощи переложены въ серебряную позлащенную раку, въ которой и теперь почиваютъ.

Замѣчательны нѣсколько древнихъ иконъ, и въ особенности образъ св. мученика Аврамія, служившій прежде гробовою крышею; недавно снятъ съ него списокъ на холстѣ для южныхъ Болгаръ. Въ ризницѣ показывали мнѣ вклады патріарха Іосифа: крестъ напрестольный съ мощами, водосвятную чашу и панихидное блюдо, также серебряное, позолоченое кадило, приложенное царицею Мареою Матвѣевною (вдовою царя Ѳеодора Алексѣевича) въ 1693 году.

Въ бесѣдѣ съ почтенною игуменьею, соименною основательницѣ обители, непримѣтно протекло время до всенощнаго бдѣнія, которое доставило мнѣ необыкновенное наслажденіе стройнымъ и прекраснымъ пѣніемъ инокинь. Такого пѣнія никогда не случалось мнѣ слышать въ женскихъ монастыряхъ. Мать игуменья Марія (въ мірѣ Магдалина Ивановна Бѣлаго) была нѣкогда замужнею женщиною, имѣетъ дѣтей и внучатъ. Лишившись мужа, она нѣсколько времени служила воспитательницею въ Московскомъ малолѣтномъ Кадетскомъ корпусѣ. Когда собственныя дѣти ея окончили свое воспитаніе, она рѣшилась посвятить себя Богу въ иноческой жизни. Теперь она

заботится о возстановленіи Успенскаго монастыря, много пострадавшаго отъ пожара въ 1855 году.

Написавъ къ вамъ, многоуважаемый В. П., это длинное письмо, собираюсь сегодня въ Суздаль, вмѣстѣ съ Константиномъ Никитичемъ Тихонравовымъ, знатокомъ всей старины Владимірской губерніи. Почтенному К. Н. я обязанъ многими свѣдѣніями при осмотрѣ достопамятностей Владиміра; надѣюсь, что и въ Суздалѣ, при просвѣщенномъ его руководствѣ, успѣю увидѣть многое, чего никакъ не увидѣлъ бы безъ него, при бѣгломъ осмотрѣ, въ нѣсколько часовъ. По дорогѣ, думаемъ заѣхать въ Боголюбовъ.

29 іюня 1868 года.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Вчера послѣ вечерни пустились мы въ путь. Отъ Владиміра до Боголюбова не болѣе 10 верстъ; мы ѣхали по прекрасному шоссе, соединяющему Москву съ Владиміромъ и Нижнимъ-Новгородомъ.

По сторонамъ дороги много урочищъ, напоминающихъ старину. Близь берега Клязьмы растилается широкая Ярилова долина, на которой, можетъ быть, совершались нѣкогда постыдныя празднества въ честь Ярила (славянскаго Пріапа), а теперь бываетъ гулянье на другой день Пятьдесятницы. Долину пересѣкаютъ двѣ рѣчки съ южными именами Ирпени и Почайны; за ними продолженіе долины зовется Княжимъ лугомъ. Далѣе красуется на горѣ Красное село князей Владимірскихъ и подлѣ берега Ирпени холмъ, на которомъ видны слѣды обители св. великомученика Ѳеодора, основанной Боголюбскимъ и давно уже изчезнувшей.

Далѣе, при подошвѣ горы, на которой расположено село Доброе, замѣтны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ признаки прудовъ; а на горѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь этого се-

ла съ остаткомъ монастырской ограды, находился Константино-Еленинскій монастырь, существовавшій въ XIII вѣкѣ и упраздненный по отобраніи монастырскихъ имѣній. Въ церкви этого села сохранился древній храмовой образъ (св. царя Константина и матери его Елены) приносимый ежегодно во Владиміръ вмѣстѣ съ иконами Боголюбова монастыря.

Жаръ дневной началъ уже уменьшаться, когда мы приближались къ Боголюбову монастырю. Онъ стоитъ при древнихъ береговыхъ высотахъ р. Клязьмы, которая удалившись отъ обители, еще въ незапамятные годы, оставила по себѣ длинное озеро. Между нимъ и Клязьмою находятся лугá съ довольно глубокими рытвинами, показывающими прежнія теченія этой быстрой рѣки, а за ней, на дальнихъ высотахъ, зеленѣютъ сосновые лѣсá. На сѣверовосточной сторонѣ, на разстояніи не много болѣе полуверсты отъ монастыря, протекаетъ рѣка Малая-Нерль съ множествомъ селеній по берегамъ ея; на юго-западѣ отдѣляется глубокимъ оврагомъ село Боголюбово, гдѣ, вѣроятно, въ древности былъ посадъ города Боголюбова, основаннаго въ 1158 году св. княземъ Андреемъ, сыномъ в. к. Юрія Долгорукаго и внукомъ Мономаха.

Во второмъ письмѣ моемъ изъ Владиміра, я упоминалъ о нетлѣнныхъ мощахъ св. Андрея, открыто почивающихъ въ Успенскомъ соборѣ; здѣсь въ Боголюбовѣ, прилично припомнить главныя событія жизни и кончины знаменитаго князя, первоначальника сѣвернаго великаго княженія. Благовѣрный князь Андрей съ ранней молодости отличался воинскою отвагою: Чудь и Литва, Нѣмцы и Половцы знали крѣпость руки его. Онъ не берегъ себя въ пылу битвъ, но Господь хранилъ и спасалъ отъ опасностей набожнаго князя. Князь Андрей не любилъ неумолкаемаго шума южныхъ усобицъ, столько бѣдъ наносившихъ югу для призраковъ власти и славы. Рожденный и воспитанный на сѣверѣ, онъ стремился душою въ свою отчизну—Владиміръ и не разъ просилъ отца пустить его туда. Туда звали Андрея и родные жены его Улиты, сыновья убитаго Степана Кучка,

владѣтеля той мѣстности, гдѣ теперь Москва. Въ 1154 году, послѣ многихъ кровавыхъ битвъ, Юрій Долгорукій сталъ в. княземъ Кіева и далъ сыну Вышгородъ, съ тѣмъ чтобы въ личной его храбрости имѣть для себя близкую опору. Но Андрей въ слѣдующемъ году, тайно, вопреки желаніямъ отца, отправился въ сѣверную отчину. Онъ взялъ съ собою изъ Вышгорода чудотворную икону Богоматери, принесенную изъ Константинополя и писанную евангелистомъ Лукою.

Здѣсь дозвольте мнѣ, многоуважаемый В. П. небольшое отступленіе. Путь князя съ береговъ Днѣпра на берега Клязьмы лежалъ черезъ Суздаль, какъ видно изъ статьи почт. К. Н. Тихонравова, помѣщенной во Владимірскомъ сборникѣ 1857 года. При непроходимыхъ дебряхъ того времени, только главный городъ Суздальской области соединялся прямою дорогою съ югомъ; чтобы пріѣхать во Владиміръ, нужно было побывать въ Суздалѣ. Не стану вдаваться въ подробности доказательствъ, приводимыхъ ученымъ моимъ спутникомъ въ его изслѣдованіи; скажу только, что этимъ изслѣдованіемъ совершенно устранены недоумѣнія тѣхъ, которые не могли надивиться, зачѣмъ было бы кн. Андрею, уже прибывшему „въ свою волость" во Владиміръ, пускаться еще далѣе, въ Суздальскія владѣнія родителя, в. к. Юрія?

Не доѣзжая около 10 верстъ до Владиміра, кони, везшіе чудотворную икону Богоматери, внезапно остановились, какъ бы отъ чрезмѣрной тяжести, превышавшей ихъ силы. Нѣсколько разъ перемѣняли коней, но и тѣ при всѣхъ усиліяхъ, не могли сдвинуть иконы. Князь, признавъ это за чудо, молился со слезами предъ иконою. Въ полночь, во время молитвы, явилась ему Божія Матерь и сказала, что Ей неугодно, чтобъ икона Ея перенесена была въ Ростовъ, но повелѣла поставить Ее въ соборномъ храмѣ Владимірскомъ. „Здѣсь же, продолжала Богоматерь, устрой обитель и храмъ въ память Моего Рождества. Я умолю Сына Моего и Бога, да благословитъ Онъ это мѣсто."
Принесши благодарственныя молитвы Господу Богу и Его

преблагословенной Матери за неизреченную Ея милость, князь Анрдрей пиказалъ написать образъ Богоматери въ томъ видѣ, въ какомъ Она соблаговолила явиться ему. На мѣстѣ явленія устроилъ онъ храмъ и обитель иноковъ, и назвалъ это мѣсто Боголюбовымъ, какъ ознаменованное знаменіемъ любви небесной. Икона, написанная по волѣ князя, получила наименованіе Боголюбской: на ней представлена Богоматерь, стоящая съ хартіею въ рукѣ, а предъ нею колѣнопреклоненный князь Андрей, котораго современники прозвали Боголюбскимъ. При монастырѣ основанъ былъ городъ Боголюбовъ, съ великолѣпными палатами княжескими.

А чудотворная икона, привезенная княземъ Андреемъ изъ Кіева и поставленная имъ, по волѣ Богоматери, во Владимірѣ (отчего и прозвалась Владимірскою), перенесена въ послѣдствіи въ Москву. Здѣсь, въ Успенскомъ соборѣ, благоговѣйно покланяемся ей, какъ божественному оплоту первопрестольнаго града.

Возвратимся къ жизни св. князя Андрея. Когда умеръ отецъ его въ Кіевѣ, Ростовцы и Суздальцы, узнавъ вблизи высокія качества Андрея, признали его своимъ княземъ. Такъ сдѣлался онъ властителемъ всей обширной земли Суздальской. Побѣдитель болгаръ-магометанъ, смиритель мятежнаго Новгорода, верховный судія и посредникъ князей южныхъ, распоряжавшій по волѣ своей престоломъ Кіева, „матери градовъ Русскихъ," боголюбивый Андрей положилъ начало единодержавію на сѣверѣ Руси. Онъ не раздавалъ удѣловъ въ землѣ Суздальской, потому что не хотѣлъ видѣть раздробленною и оттого слабою власть княжескую, потому что желалъ быть въ состояніи дѣлать добро другимъ столько, сколько хотѣлось ему по влеченію сердца христіанскаго. Самъ проводя жизнь трезвую, чистую, дѣятельную, онъ награждалъ добрыхъ, а пороки и преступленія преслѣдовалъ строгостію закона. Благовѣрный князь былъ сострадателенъ къ несчастнымъ, до того, что иногда самъ ухаживалъ за больными; для бѣдныхъ и заключенныхъ въ темницахъ раз-

возили, по его приказанію, пищу и медъ. Боголюбскій любилъ христіанское просвѣщеніе и прилежно читалъ книги, особенно много заботился онъ о просвѣщеніи христіанскою вѣрою магометанъ— болгаръ, язычниковъ—черемису и мордву, іудеевъ — жителей каждаго торговаго города; много заботился онъ и о присоединеніи папистовъ къ православію. При дворѣ его много жило обращенныхъ къ св. вѣрѣ.

За живую пламенную любовь къ Господу, благочестивый князь удостоился страдальческой кончины, на 63-мъ году жизни. Братъ жены в. к. Андрея, Якимъ Кучковичъ, озлобленный тѣмъ, что брать его казненъ за какое-то преступленіе, зять его Петръ, Анбалъ Ясинъ, крещеный язычникъ, Ефремъ Моизичъ, крещеный жидъ, составили заговоръ на жизнь Андрея и присоединили къ себѣ еще до 16 человѣкъ; одни изъ заговорщиковъ пылали злобою за то, что справедливый князь не дозволялъ имъ, вопреки ихъ надеждамъ, безнаказанно грабить народъ; другіе рвались отъ зависти и негодовали на князя за то, что онъ вѣрнаго и добраго слугу своего Прокопія отличалъ особенною любовію. Всѣ они были осыпаны милостями государя. Въ пятницу злодѣи составили заговоръ и рѣшили убить Андрея на другой день ночью. Въ глубокую ночь, вооруженные заговорщики пришли ко двору въ Боголюбовъ, зарѣзали стражей, вломились въ сѣни, подходили къ спальнѣ князя: но ужасъ напалъ на нихъ,— они бросились бѣжать изъ сѣней; въ погребѣ княжескомъ напились вина и опьянѣвшіе пошли опять въ сѣни. У спальни одинъ изъ нихъ сталъ звать князя: „Государь! Государь князь великій!“ Андрей, услышавъ голосъ, спросилъ: кто тамъ? Ему отвѣчали: Прокопій. „Это—не Прокопій,“ громко сказалъ князь спавшему въ его комнатѣ отроку. Убійцы, узнавъ по голосу, гдѣ князь, стали ломать и выломали двери. Андрей вскочилъ, хотѣлъ схватить мечь св. князя Бориса, который всегда былъ при немъ: но меча не было, — ключникъ Анбалъ укралъ его заранѣе. Двое убійцъ, бросились на Андрея: но онъ былъ

силенъ и сшибъ одного съ ногъ, какъ вбѣжали прочіе. Долго отбивался князь, несмотря на то, что со всѣхъ сторонъ рубили его мечами и кололи копьями. — „Нечестивцы! кричалъ онъ имъ, зачѣмъ хотите вы уподобиться Горясѣру (убійцѣ св. Глѣба)? Какое зло сдѣлалъ я вамъ? Господь отмститъ вамъ за кровь мою и за неблагодарность къ милостямъ моимъ.“ Наконецъ блаж. Андрей упалъ подъ ударами. Убійцы подумали, что дѣло кончено,— князь убитъ; гонимые страхомъ, они поспѣшили уйдти изъ спальни. Князь поднялся на ноги и, въ безпамятствѣ, стоная громко, вышелъ въ сѣни. Убійцы услыхали стоны и воротились. Не найдя его въ спальнѣ, они испугались: „Погибли мы, если не найдемъ его,“ сказали они. Зажгли свѣчи и слѣдомъ крови дошли до князя; Андрей сидѣлъ внизу за столбомъ, вокругъ котораго вилась лѣстница. Зять Кучковича отрубилъ князю руку; другіе вонзили въ грудь мечи. Андрей успѣлъ сказать: „Господи въ руцѣ Твои предаю духъ мой“, и скончался. Это было ночью съ 29 на 30 іюня 1174 года. Утромъ слѣдующаго дня, убивъ Прокопія, убійцы ограбили во дворцѣ княжемъ серебро, золото, дорогіе камни, жемчугъ, ткани и отправили ограбленное по домамъ. Затѣмъ и сами и чрезъ своихъ взволновали народъ противъ вѣрныхъ чиновниковъ князя; начались грабежи и убійства такіе, что страшно было смотрѣть, говоритъ очевидецъ.

Святое тѣло благовѣрнаго князя, брошенное въ огородѣ, лежало безъ призора, почти обнаженное. Добрый слуга Козьма, отыскавъ его, стоялъ и горько плакалъ надъ нимъ. Увидѣвъ Анбала, идущаго во дворецъ, Козьма вскричалъ ему: „дай коверъ или что-нибудь покрыть князя.“ Оставь его, сказалъ съ злобою Анбалъ: мы кинули его на съѣденіе псамъ. „Извергъ! воскликнулъ добродушный слуга; помнишь ли, въ какомъ рубищѣ пришелъ ты къ князю? теперь ты въ бархатѣ, а князь — благодѣтель твой лежитъ нагой.“ Анбалъ далъ коверъ и епанчу (корзно); Козьма прикрылъ тѣло страдальца и положилъ въ притворѣ церкви, потому что пьяные сторожа не захотѣли отпереть

храма. „Уже и слуги твои не узнаютъ тебя, господине,“ плакалъ и приговаривалъ Козьма; „а бывало придетъ гость (купецъ) изъ Царяграда, или изъ другихъ странъ,—ты приказывалъ всякаго проводить въ церковь, на палати: пусть де посмотрятъ славы Божіей и церковнаго украшенія; а теперь тебя самого не пускаютъ въ церковь твою.“ Уже на третій день Арсеній, игуменъ Космодаміанской обители, тщетно дожидавшись старшихъ, положилъ тѣло князя въ каменный гробъ, внесъ въ церковь и отпѣлъ погребальное съ Боголюбовскими священнослужителями. На шестой день, когда бунтъ и смятеніе нѣсколько поутихли въ Боголюбовѣ, игуменъ Ѳеодулъ съ духовенствомъ пришелъ изъ Владиміра, взялъ гробъ князя и повезъ въ городъ. Тамъ 5 іюля тѣло князя погребено въ соборномъ златоверхомъ храмѣ. По словамъ лѣтописи кн. Андрей былъ не высокъ ростомъ, но широкъ въ плечахъ, красивъ лицемъ, съ волосами черными и кудрявыми, съ высокимъ челомъ, съ очами свѣтлыми и большими.

Судьба убійцъ Боголюбскаго дала поводъ къ суевѣрнымъ народнымъ преданіямъ. Верстахъ въ 7 отъ города Владиміра, въ дачахъ смежной съ нимъ Ямской слободы, близь лѣваго берега рѣки Клязьмы, находится такъ-называемое Пловучее озеро; глубина его, въ срединѣ, полагается въ 5 саженъ. Оно съ югозапада отѣняется густымъ сосновымъ боромъ, а съ прочихъ сторонъ окружено мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ. Кто во Владимірѣ не слыхалъ разсказовъ о черной его водѣ, о глубинѣ его и о плавающихъ коробахъ, обросшихъ мохомъ, въ которыхъ будто бы заключены Кучковичи, родственники и убійцы в. к. Андрея? Кто изъ Владимірцевъ не ходилъ къ этому страшному озеру, мимо котораго боятся проходить не только ночью, даже вечеромъ, запоздалые путники?

Болотистые, заросшіе мохомъ берега Пловучаго озера, обильные ягодами, привлекаютъ сюда и горожанъ и поселянъ; но лишь только начинаетъ вечерять, всѣ спѣшатъ удалиться отъ него. Здѣсь мшистыя зеленыя кочки, плавающія отъ одного берега къ другому по волѣ вѣтровъ, на-

родный вымыселъ обратилъ въ короба, незгнившіе будто бы въ продолженіи семи вѣковъ; тѣла Кучковичей, которыхъ, какъ увѣряетъ преданіе, вели къ мѣсту казни съ подрѣзанными пятами, сдѣлались неподлежащими тлѣнію, для томительныхъ мученій. Ночь на 30 іюня, по разсказамъ суевѣрныхъ стариковъ, бываетъ самая мучительная для Кучковичей и страшная для путниковъ. Они слышатъ унылый стонъ заключенныхъ злодѣевъ, короба ихъ колеблются, волнуется озеро. Не выражаетъ ли это преданіе набожный духъ народа Русскаго, всегда богобоязненнаго, всегда увѣреннаго, что за гробомъ ожидаетъ насъ безсмертіе, что праведникамъ уготована блаженная жизнь, а достояніе злыхъ — мученія нескончаемыя?..

Но гдѣ же кончила жизнь сестра Кучковичей, супруга в. к. Андрея, можетъ быть, участвовавшая, или по крайней мѣрѣ, знавшая объ умыслѣ на жизнь супруга, коварная или малодушная Улита? Съ другой стороны Владиміра, также въ разстояніи около 7 верстъ, за рѣкою Клязьмою, есть озеро, окруженное теперь рѣдкимъ и невысокимъ лѣсомъ. Въ старину, безъ сомнѣнія, окружали его дремучія дубравы, покрывавшія своею тѣнью черную его воду. Это озеро не далеко отъ большой Муромской дороги и деревни Байгушъ, и называется изстари Поганымъ озеромъ, или, какъ обыкновенно называютъ его, Поганцомъ. Оно имѣетъ видъ кругловатый и простирается на четверть версты; по сказаніямъ нѣкоторыхъ крестьянъ ближнихъ селеній, весьма глубоко, а берега его почти со всѣхъ сторонъ болотисты.

Вотъ въ этомъ-то озерѣ, по сохранившемуся донынѣ народному преданію, кончила жизнь супруга в. к. Андрея Юрьевича, Улита, приглашенная во Владиміръ съ братьями своими Кучковичами будтобы на пиръ! Неумолимыми исполнителями казни, опредѣленной братомъ Боголюбскаго, в. к. Михаиломъ, Улита опущена въ черную глубину озера съ тяжелымъ жерновымъ камнемъ, и съ тѣхъ поръ будто бы озеро получило наименованіе „Поганаго“.

Городъ Боголюбовъ, славный пребываніемъ въ немъ великаго князя, гдѣ находился дворецъ его и домы бояръ, тіуновъ, дѣтскихъ и мечниковъ, куда, по призыву его, собирались полки: Ростовскіе и Суздальскіе, Владимірскіе, Рязанскіе и другіе; гдѣ онъ принималъ гостей, послѣ кончины князя разграбленный и опустошенный, по всей вѣроятности разрушенъ окончательно при нашествіи Батыя, такъ что не видно теперь и развалинъ древнихъ зданій. Городъ расположенъ былъ квадратомъ и сосредоточивался внутри земляныхъ укрѣпленій или валовъ, которые окружали его со всѣхъ сторонъ, а позади валовъ съ трехъ сторонъ: восточной, сѣверной и западной находились глубокіе рвы. Теперь уцѣлѣлъ еще одинъ изъ нихъ съ западной стороны, гдѣ пролегаетъ мостъ, построенный на Нижегородскомъ шоссе. Всѣ валы, съ разрушеніемъ города, во многихъ мѣстахъ срыты такъ, что съ восточной и сѣверной сторонъ видны только небольшіе ихъ остатки, да и самый ровъ вдоль восточной стороны большею частію засыпанъ. Но какъ границы древняго города рѣзко еще опредѣляются остатками насыпей, которыя соединяясь съ остатками валовъ образуютъ углы, то и не трудно опредѣлить пространство Боголюбова. Оказывается, что онъ въ окружности своей имѣлъ только 486, или ни какъ не болѣе 500 саженъ. Не обширенъ былъ городъ Боголюбскаго; но ему придавало величіе то, что по волѣ здѣшняго князя рѣшались судьбы князей сѣверныхъ и южныхъ, Кіева и Новгорода.

Въ монастырѣ Боголюбовомъ уцѣлѣло весьма мало остатковъ древности. Храмъ Рождества Богоматери, построенный св. в. к. Андреемъ изъ бѣлаго камня, много пострадалъ отъ всеразрушающей силы времени, отъ нашествій враговъ, а всего болѣе отъ неискусныхъ поновленій: щелистыя окна расширены, бѣлокаменный сводъ разрушился и замѣненъ кирпичнымъ, самыя стѣны перестроены, вмѣсто древняго иконостаса во многихъ мѣстахъ поставленъ новый, вмѣсто одной главы поставлено три. Все это совершенно измѣнило и внутренній и внѣшній видъ церкви.

Къ сѣверной сторонѣ Рождественскаго храма примыкаетъ замѣчательный памятникъ гражданскаго зодчества XII вѣка — великокняжеская „моленная“ комната и смѣжныя съ нею сѣни, внизу которыхъ кончилъ благочестивую и славную жизнь свою в. к. Андрей, мученически умерщвленный своими присными-врагами. При видѣ этого, можно сказать, единственнаго въ Россіи остатка древности, указывающаго сколько нибудь на тогдашній великокняжескій бытъ, воскресаютъ въ памяти великія и славныя событія; воображеніе рисуетъ здѣсь картину тихой, семейной жизни могущественнаго князя,—картину, въ которой черными тѣнями обрисовываются коварные Кучковичи. Матеріалъ комнаты и сѣней — бѣлый известковаго свойства камень. Длина всего зданія съ наружной стороны 5 саженъ, а ширина 2 сажени. Подъ комнатою находится довольно обширная, вышиною въ $7^1/_2$ аршинъ, сквозная арка, сверху болѣе чѣмъ до половины задѣланная кирпичемъ, и тутъ теперь помѣщается алтарь Андреевской придѣльной церкви; надъ аркою, вдоль всей комнаты, продолжается фризъ, одинаковый съ фризомъ почти современныхъ этому зданію Владимірскихъ соборовъ. Здѣсь видны такіе же столбики, соединяющіеся вверху дугообразными перемычками; впрочемъ изъ древнихъ бѣлокаменныхъ столбиковъ сохранились немногіе, и то съ западной стороны, а вмѣсто отшибенныхъ вставлены деревянные. Сѣни простираются въ длину на 6 аршинъ. Въ нихъ съ восточной стороны три окна, или, вѣрнѣе, одно большое окно, раздѣляющееся въ срединѣ двумя столбиками на три части, въ родѣ тѣхъ оконъ, которыя теперь зовутся у насъ итальянскими. Эти оконные столбики много толще тѣхъ, какіе находятся во фризѣ; они поддерживаютъ дугообразныя перемычки, съ вѣточными капителями и подставками, и хотя покрыты нѣсколькими слоями извести, которая для нихъ совершенно излишня, но все еще виденъ ихъ древній, первобытный видъ. Отсюда-то, конечно, однимъ изъ убійцъ князя, Анбаломъ ключникомъ, сброшены были коверъ и корзно для княжаго тѣла, лежавшаго на землѣ

безъ прикрытія. Съ западной стороны замѣтно только одно закладенное щелеобразное окно, какъ и съ сѣверной стороны; здѣсь же находилась и дверь, выбитая злодѣями; но она нынѣ заложена. Вся средина древняго свода пробита для входа на устроенную, безъ сомнѣнія, въ послѣдующія уже времена шатровую колокольню. Спускъ внизъ (изъ комнаты въ сѣни) устроенъ вокругъ каменнаго столба, толщиною въ діаметрѣ въ 1 аршинъ 4 вершка. Лѣстница состоитъ изъ 33 ступеней, выстланныхъ кирпичемъ. Эта лѣстница, простирающаяся въ ширину на 1½ аршина, освѣщалась четырьмя узкими и также полукруглыми вверху окнами, но они, кромѣ одного съ восточной стороны, теперь заложены кирпичами. Внизу лѣстницы, противъ входной двери, находится углубленіе или ниша, простирающаяся и позади восходнаго лѣстничнаго столба.

Не безъ причины помѣщается здѣсь подробное описаніе нижней части сѣней — мѣста, повидимому, ни чѣмъ особенно не замѣчательнаго. Сюда каждый благочестивый христіанинъ и любитель родной старины долженъ заглянуть съ благоговѣніемъ. Здѣсь скрылся-было отъ злодѣевъ израненный Андрей; здѣсь онъ, пораженный копьями и мечами произнесъ послѣднія слова: „Господи! Въ руцѣ Твои предаю духъ мой“ — и скончался. Въ Кіевской лѣтописи, гдѣ находится подробное описаніе кончины и погребенія в. к. Андрея Юрьевича, сказано, что тѣло его изъ-подъ сѣней вытащено въ огородъ, а оттуда уже перенесено въ притворъ храма, гдѣ оно и лежало на коврѣ двои сутки, прикрытое корзномъ. Согласно съ сказаніемъ Кіевскаго лѣтописца хранится давнее мѣстное преданіе. Противъ юго-восточнаго угла Рождественскаго храма, надъ оградою, возвышается тонкая изъ кирпичей шейка съ главою надъ ней, увѣнчанная желѣзнымъ крестомъ; въ нижней части ограды, при самомъ основаніи ея, вставленъ древній известковаго свойства четыреугольный камень, длиною и шириною въ аршинъ; цвѣтъ его, отъ давняго нахожденія на открытомъ воздухѣ, голубовато-сѣрый. На этомъ камнѣ рельефно изсѣчено было изображе-

ніе лика Спасителя, какое видимъ въ Нерукотворенномъ образѣ; но часть лика, борода и буквы вокругъ главы сбиты, можетъ быть, во время вражескихъ нашествій; осталась только въ цѣлости вокругъ камня насѣчка, состоящая изъ полосъ съ кольцами внутри ихъ. Преданіе говоритъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ лежало княжеское тѣло, выброшенное убійцами изъ сѣней.

Подлѣ Рождественской церкви стоитъ такъ-называемый св. шатеръ на четырехъ каменныхъ столбахъ съ каменнымъ же надъ ними сводомъ, покрытымъ желѣзомъ, окрашеннымъ зеленою краскою, а въ сводѣ утвержденъ крестъ. Стѣнки надъ сводомъ, между столбами, украшены кирпичемъ, поставленнымъ, въ ребро, а подъ стѣнками висятъ каменные же укрѣпленные желѣзными полосами орнаменты въ родѣ подвѣсокъ. Столбы одинаковой формы: внизу до средины — квадратные съ уступами внутрь ихъ, а далѣе кувшинообразные. Таковое устройство шатра надобно отнести къ XVII или къ началу XVIII вѣка. Подъ шатромъ, среди его, стоитъ на каменномъ возвышеніи старинной формы чаша, такъ-называемая здѣсь „кандея", изъ цѣльнаго бѣлаго камня, съ желѣзнымъ вокругъ ея обручемъ, а нынѣ она внутри обложена желѣзомъ. Окружность ея $5^1/_2$ аршинъ, внутри въ діаметрѣ $1^1/_2$ аршина. Преданіе говоритъ, будто эта та самая чаша, изъ которой в. к. Андрей бралъ деньги для раздачи рабочимъ, строившимъ Боголюбовскую обитель; изъ нея же онъ надѣлялъ деньгами и бѣдныхъ.

Каждогодно, въ 18 день іюня, въ день празднованія Боголюбимой иконы Богородицы, совершается торжественное освященіе воды въ этой чашѣ, въ воспоминаніе того, что въ этотъ самый день въ лучезарномъ сіяніи явилась князю Богоматерь, завѣщавшая ему остановиться здѣсь и устроить обитель. Есть еще преданіе, что чаша поставлена на томъ мѣстѣ, гдѣ раскинутъ былъ тотъ княжескій шатеръ, или наметъ, въ которомъ послѣдовало явленіе Божіей Матери князю, во время молитвы его, среди глубокой ночи.

Два новыя зданія, прекрасной архитектуры и огромныхъ размѣровъ украшаютъ собою Боголюбовъ монастырь. Одно изъ нихъ—святыя врата съ церковью Успенія Богородицы, освященною въ 1841 году. Другое — великолѣпная соборная церковь, заложенная въ 1855 году и недавно отдѣланная. Она посвящена чудотворному Боголюбскому (Боголюбимому) образу Богоматери, который красуется на самомъ видномъ мѣстѣ храма, у праваго столпа. Эта древняя икона, глубоко чтимая жителями сосѣднихъ городовъ и селеній, ежегодно 20 мая переносится въ г. Владиміръ, гдѣ и остается до 15 іюня, а въ остальное лѣтнее время посѣщаетъ многіе города и селенія. Такъ и при моемъ пріѣздѣ въ Боголюбовъ, чудотворной иконы здѣсь не было; на мѣстѣ ея стоялъ списокъ, украшенный богатою ризою съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, которая снимается съ подлинника при отправленіи въ путь. На этой ризѣ особенно замѣчателенъ небольшой золотый крестикъ съ крупнымъ яхонтомъ — вкладъ царя Ѳеодора Алексіевича.

Особенное благоговѣніе народа къ Боголюбской иконѣ началось со времени бывшаго въ Россіи чумнаго повѣтрія, когда и городъ Владиміръ, въ концѣ сентября 1771 года, подвергся заразѣ. Тогда Владимірскіе граждане, движимые особымъ чувствомъ благоговѣнія къ иконѣ Боголюбской Божіей Матери, просили мѣстное начальство о дозволеніи внести ее въ городъ Владиміръ; но оно не соглашалось на это по усильному настоянію одного изъ медиковъ—Каппеля, протестанта, опасавшагося, при большомъ стеченіи народа, усугубленія язвы, отъ которой многіе уже умерли, а другіе, въ большомъ количествѣ, оставались зараженными. Наконецъ начальство согласилось на просьбу гражданъ и народа, и икона внесена была въ городъ. Изъ нѣкоторыхъ записей, хранящихся у частныхъ лицъ, видно, что разсерженный этимъ медикъ отправился по обыкновенію осматривать свой кварталъ, и думая найдти болѣе заболѣвшихъ, къ удивленію своему, увидѣлъ, что даже тѣ, которые по его мнѣнію, не подавали никакой

надежды къ выздоровленію, получили облегченіе. Тогда пришедши въ домъ свой, онъ бросилъ шляпу и воскликнулъ: „Боже мой, это чудо!“ И подлинно, по внесеніи иконы въ городъ, изъ числа двухъ сотъ зараженныхъ, умерло только три человѣка. Медикъ, видя это необыкновенное дѣйствіе, убѣдился и самъ въ чудотворной силѣ иконы. Тогда уже отъ всѣхъ сословій города Владиміра, въ память чудеснаго избавленія отъ неизбѣжной гибели, подано было прошеніе о дозволеніи каждогодно вносить икону въ городъ, что̀ исполняется и донынѣ.

Въ ризницѣ монастырской сохранилось немного древнихъ вещей, въ томъ числѣ золотой потиръ, вкладъ (какъ можно думать по старинной монастырской описи) царицы Евдокіи, первой супруги Петра Великаго, серебряный крестъ съ мощами, мѣдный ковшикъ Арсенія, архіепископа Суздальскаго (1623 года), жемчужная митра, нѣсколько крестиковъ и панагій. Здѣсь же уцѣлѣло нѣсколько рукописей; замѣчательнѣйшая изъ нихъ — харатейное Евангеліе-апракосъ съ красивыми заглавными буквами и слѣдующею надписью: „Лѣта 7052 (1544) сіе Евангеліе положилъ на престолъ св. чудотворцу Николѣ на Волосово смиренный Владыка Іона Рязанскій.“ Волосовъ монастырь, упоминаемый въ этой надписи, находился въ 18 в. отъ Владиміра на р. Колочкѣ, былъ приписанъ къ Боголюбову и упраздненъ вскорѣ по учрежденіи монастырскихъ штатовъ.

На юговостокѣ отъ Боголюбова монастыря, въ верстѣ отъ него, посреди обширнаго поемнаго луга, одиноко стоитъ древняя Покровская церковь. Близь нея р. Малая-Нерль сливается съ Клязьмою. Весною, при разливѣ этихъ рѣкъ, древній храмъ со всѣхъ сторонъ обливается водою, подымающеюся иногда выше цоколя стѣнъ, и при тихой погодѣ и ясномъ небѣ, особенно въ лунныя ночи, живописно возникаетъ изъ своихъ зеркальныхъ окрестностей. Не только при разлитіи водъ, но и въ другія времена года, онъ обращаетъ на себя вниманіе путниковъ, проѣзжающихъ по шоссе, которое пролегаетъ отсюда на раз-

стоянiи не болѣе версты. Одинокое положенiе церкви среди луговъ, рѣкъ и озеръ; отдаленность отъ селенiй, древность ея и только трикратное служенiе въ ней въ продолженiи всего года, наконецъ даже ропотный переливъ рѣчныхъ и озерныхъ волнъ въ бурныя ночи, — все это болѣе или менѣе дѣйствовало и дѣйствуетъ на воображенiе запоздалыхъ путниковъ, и было причиною порожденiя чудесныхъ разсказовъ. Такъ напримѣръ, разсказываютъ, что въ церкви видали будто бы огонь, зажигаемый тайною, невидимою рукою, погасавшiй при приближенiи къ церкви; а одинъ разъ когда-то, на день праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, по окончанiи здѣсь всенощной, видимы были будто бы въ лучезарномъ сiянiи, въ блестящемъ вооруженiи воины, на бѣлыхъ коняхъ, несшiеся отъ церкви по береговымъ низменностямъ Клязьмы къ городу Владимiру; а не въ давнемъ времени, крестьяне-рыболовы, на день св. пророка Илiи, проходя мимо Покровской церкви въ самую полночь, поражены будто бы были явленiемъ какого-то таинственнаго человѣка, съ блѣднымъ лицемъ, пожилыхъ лѣтъ, въ бѣлой одеждѣ: онъ шелъ къ церкви и спросилъ ихъ: „Эта ли церковь Покрова Пресвятыя Богородицы?" И когда получилъ утвердительный отвѣтъ, къ общему ихъ ужасу,тотчасъ вошелъ въ нее, хотя церковь была заперта.

Покровская церковь построена св. в. к. Андреемъ Боголюбскимъ въ 1165 году, изъ камней, которые привезены были по Волгѣ изъ Болгарiи, для сооруженiя Златоверхаго Успенскаго собора во Владимiрѣ. Клязьма, выше впаденiя въ нее Нерли, менѣе глубока, а потому здѣсь камни перегружались на другiя суда, и по волѣ князя на берегу откладывалась десятая часть камней для построенiя Покровской церкви.

Стиль Покровскаго храма относится къ второй эпохѣ Романской или Ломбардской архитектуры, и совершенно сходенъ съ стилемъ Дмитрiевскаго собора во Владимiрѣ, который можно назвать вѣрною копiею Покровской церкви. Но какъ эту послѣднюю строили иностранные мастера

(„изъ нѣмецъ“ по словамъ лѣтописи), то рельефныя украшенія, высѣченныя изъ камня, хотя и не столь многочисленныя, какъ на стѣнахъ Дмитріевскаго собора, несравненно выше по искуству. Вообще Покровская церковь отличается бо́льшею простотою наружныхъ украшеній, и самый фризъ ея менѣе роскошенъ, потому что столбики его не рѣзные, а гладкіе, и здѣсь столбиковъ меньше. Со всѣхъ сторонъ, исключая восточную, вверху среднихъ оконъ поставлено по два рѣзныхъ на камнѣ, сидящихъ льва съ фантастическими хвостами; а надъ окнами размѣщены въ равномъ положеніи, и по семи на каждой изъ трехъ стѣнъ, человѣческія, отличающіяся благородствомъ и красотою, лица съ распущенными волосами. Въ поддугахъ, а именно въ болѣе широкихъ среднихъ отдѣленіяхъ стѣнъ, изображенъ благословляющій Спаситель со свиткомъ, на престолѣ; по сторонамъ Спасителя стоятъ два орла, а подъ ними два льва; въ боковыхъ же впадинахъ стѣнъ изображены, и также въ поддугахъ, фантастическіе звѣри, терзающіе какихъ-то животныхъ. Всѣ эти каменныя изображенія гораздо крупнѣе и рельефнѣе украшеній Дмитріевскаго собора.

При Покровской церкви была обитель иноческая, основанная Андреемъ Боголюбскимъ и упраздненная въ 1764 году съ передачею зданій въ распоряженіе Боголюбова монастыря. Варвары Батыевы не коснулись Покровскаго храма; ежегодный разливъ двухъ рѣкъ, въ теченіи семи вѣковъ, не подмылъ его; но въ концѣ прошедшаго столѣтія грозила ему опасность разрушенія. Когда монастырь былъ упраздненъ, земли его поступили во владѣніе крестьянъ близь лежащаго Новаго села, которые вздумали воспользоваться камнемъ монастырскаго храма для постройки церкви въ своемъ селѣ. Получивъ разрѣшеніе епархіальнаго начальства, Новосельскіе крестьяне пошли разбирать Покровскую церковь. Обыкновенно, прежде всего снимаютъ крестъ; и вотъ одинъ изъ нихъ, въ совершенно здоровомъ состояніи, полезъ ко кресту; но только приступилъ къ работѣ, тотчасъ же ослѣпъ; его съ трудомъ сняли, и послѣ то-

го никто уже не рѣшился на подобное дѣло, опасаясь, что такое несчастіе можетъ случиться съ каждымъ. Еще недавно были живы старики, разсказывавшіе объ этомъ, событіи, какъ очевидцы. Вотъ какому случаю любители древностей и археологи обязаны сохраненіемъ 700-лѣтняго храма!

Но внутри самаго храма не сохранилось ничего древняго; даже храмовая икона Покрова Богородицы, по преданію, современная Боголюбскому образу, сохраняется въ Боголюбовѣ, и вмѣстѣ съ тамошнею чудотворною иконою, ежегодно приносится во Владиміръ.

Около сѣверовосточнаго угла Покровской церкви лежитъ на землѣ, снятый съ своего кирпичнаго фундамента, древній четвероконечный крестъ, высѣченный изъ бѣлаго камня. Длина его нынѣ 2¼ арш., ширина 1 арш. 2 вершка, а толщина болѣе полуаршина. Онъ былъ длиннѣе и шире; но народъ, полагая въ немъ цѣлебное свойство утолять зубную боль, издавна и безжалостно обиваетъ края его, и до того исказилъ углубленія письменъ, вырѣзанныхъ на одной сторонѣ во всю длину и ширину креста, что только при закатѣ солнца можно разобрать не болѣе двухъ или трехъ буквъ. Разсказываютъ, что этотъ памятникъ давнихъ временъ построенъ въ одно время съ церковью; а изъ записи видно, что онъ перенесенъ сюда въ началѣ настоящаго столѣтія съ берега Нерли, и находился саженяхъ въ 50 отъ Покровской церкви. Говорятъ также, что назадъ тому лѣтъ 12, на такомъ-же пространствѣ отъ церкви, на пути къ ней, ведущемъ отъ Боголюбова монастыря, лежалъ бѣлый же квадратный камень, около аршина въ длину и ширину а въ серединѣ его вытесано было углубленіе въ родѣ чаши. Не былъ ли онъ подставкою креста?..

Осмотрѣвъ Боголюбовъ монастырь, мы отправились далѣе—къ Суздалю, по той же дорогѣ, по которой св. кн. Андрей слѣдовалъ изъ Суздаля во Владиміръ. По берегамъ Нерли красуются села Ославское, Порѣцкое, Батыево, съ старинными церквами. Въ с. Павловскомъ, принадле-

жавшемъ нѣкогда Рождественскому монастырю, мы перемѣнили лошадей и, уже ночью пріѣхавъ въ Суздаль, остановились на постояломъ дворѣ, подлѣ женской Ризположенской обители.

1 іюля 1868.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Рано утромъ разбудилъ меня колоколъ Суздальскаго Ризположенскаго монастыря, называемаго также Преподобенскимъ, въ честь преп. княжны Евфросиніи. Еще поспѣлъ я къ началу ранней обѣдни, въ монастырскій соборный храмъ, посвященный положенію честныхъ ризъ Богоматери.

Обитель основана около 1207 года. Спустя 20 лѣтъ поселилась здѣсь преподобная Евфросинія, (въ мірѣ Ѳеодулія) старшая дочь Черниговскаго князя Михаила Всеволодовича, въ послѣдствіи мученика. Съ дѣтства отличалась она искреннимъ благочестіемъ. Когда родители пожелали выдать ее замужъ за жившаго въ Суздалѣ князя Мину, одного изъ потомковъ благочестиваго Варяжскаго князя Шимона, покорная дочь не противилась волѣ отца и матери, но тайно молила Господа сохранить ее въ дѣвствѣ. Она отправилась въ Суздаль для вступленія въ бракъ, но женихъ скончался прежде прибытія невѣсты. Тогда княжна рѣшилась не возвращаться въ родительскій домъ и приняла иноческое постриженіе въ Ризположенской обители съ именемъ Евфросиніи. Здѣсь провела она жизнь въ подвигахъ, въ постѣ и молитвѣ, была настоятельницею монастыря и завела въ немъ примѣрный порядокъ (по слову лѣтописца „устрой") и благочиніе. Монастырь раздѣлялся на двѣ половины: въ одной жили дѣвы, въ другой вдовицы, а для молитвы собирались всѣ въ одинъ храмъ. Богомудрая настоятельница учредила это раздѣленіе съ тою цѣлію, чтобы бесѣды вдовицъ не оставляли безполезныхъ и даже вредныхъ мыслей въ чистыхъ душахъ дѣвственницъ.

Въ 1238 году Батый явился съ своими полчищами въ Суздалѣ: свирѣпая орда предавала все огню и мечу, но обитель преп. Евфросиніи, по молитвамъ ея, осталась невредимою, какъ свидѣтельствуетъ современный лѣтописецъ.

Послѣ непродолжительной болѣзни, блаж. княжна-игуменья преставилась 25 сентября 1250 года. При гробѣ ея совершались чудеса, но мощи ея обрѣтены не ранѣе конца XVII вѣка. По благословенію послѣдняго патріарха Адріана, митрополитъ Суздальскій Иларіонъ освидѣтельствовалъ и открылъ св. мощи 18 сентября 1698 года. Тлѣніе не коснулось не только тѣла, около 450 лѣтъ покоившагося въ нѣдрахъ земли, но даже и одеждъ угодницы Божіей.

Съ того времени, мощи преп. Евфросиніи почиваютъ открыто подъ аркою, соединяющею соборный храмъ съ придѣломъ, посвященнымъ чудотворицѣ. Замѣчательны двѣ ея иконы: одна изъ нихъ поставлена въ ногахъ гробницы, а другая (съ житіемъ и чудесами)—въ главномъ иконостасѣ собора.

Въ ризницѣ, послѣ страшнаго пожара, опустошившаго монастырь въ прошедшемъ столѣтіи, сохранились только двѣ старинныя вещи: напрестольный крестъ, чеканной работы, обнизанный жемчугомъ — вкладъ Суздальскаго архіепископа Серапіона въ 1641 году, и мѣдный ковшикъ, данный въ 1624 году архіепископомъ же Суздальскимъ Арсеніемъ Грекомъ. Тамъ же видѣлъ я списокъ съ древняго житія преп Евфросиніи; харатейный подлинникъ житія погибъ въ пожарѣ, а этотъ списокъ снятъ еще прежде и пожертвованъ въ монастырь лѣтъ за 50 до нашего времени. Онъ украшенъ довольно грубыми рисунками.

Выходя изъ ризницы, я замѣтилъ, близь сѣверныхъ дверей соборной церкви, скромный надгробный памятникъ Мареы Яковлевны Сониной, скончавшейся 10 августа 1803 года, 80-ти лѣтъ, послѣ 60-лѣтнихъ подвиговъ въ юродствѣ Христа-ради. Это имя воскресило во мнѣ воспоминанія дѣтства: еще ребенкомъ много слыхалъ я о

блаженной Марѳѣ Яковлевнѣ отъ моихъ бабушекъ, пожилыхъ дѣвицъ Сумароковыхъ; у одной изъ нихъ, Аграфены Андреевны, висѣлъ на стѣнѣ портретъ подвижницы, въ рубашкѣ, съ коротко-остриженными волосами, весьма схожій съ тѣмъ, который увидѣлъ я теперь въ настоятельскихъ кельяхъ. Желая узнать, сколько можно подробнѣе, обстоятельства жизни блаж. Марѳы Яковлевны, я спросилъ почтенную и радушную игуменью Евфросинію, не осталось ли въ монастырѣ кого нибудь изъ современницъ покойной?

— „Есть у насъ—сказала она—очень древняя монахиня Марія. Ей давно уже за 80 лѣтъ и болѣе 60 лѣтъ живетъ въ монастырѣ. Она еще сохранила память, но ничего почти не слышитъ; едва ли вы много отъ нея узнаете.“

Скоро пришла старушка, сгорбленная, сморщенная, чуть живая, бѣдно, но опрятно одѣтая по домашнему. Она такъ глуха, что, разговаривая съ нею, приходилось мнѣ кричать изо всѣхъ силъ.

— Помните вы, матушка, блаженную Марѳу Яковлевну?

„Какъ не помнить, сударь ты мой! Еще малолѣткой была, дѣвченкой неразумной, а ужь знала ее, матушку нашу. Тогда она еще здорова была, вездѣ ходила, сама бѣдна была, а бѣдныхъ не забывала, ноченьки цѣлыя за коклюшками просиживала, все кружева плела, хорошія, дорогія. Въ большомъ ходу тогда кружева у насъ были, особенно купчихи щеголяли. И теперь еще найдешь у здѣшнихъ купчихъ, а больше у Шуйскихъ, да у Юрьевскихъ, широкія преширокія кружева работы Марѳы Яковлевны; давно внучкамъ да правнучкамъ въ приданое на благословеніе пошли; берегутъ ихъ словно Божье милосердіе. А сама-то она, голубушка наша, что ни выработаетъ, все нищимъ, да сиротамъ, а когда и въ храмъ Божій принесетъ, на свѣчи къ преподобной Евфросиніи; а у самой-то и копѣечки запасной никогда не бывало. Послѣ, когда была ужь безъ ногъ, съ постели не вставала семь лѣтъ, тутъ я еще лучше ее знавала. Была я тогда здѣсь въ бѣлицахъ; покойная игуменья матушка Аполлинарія по-

сылала насъ послушницъ поочередно служить Мареѣ Яковлевнѣ. Насмотрѣлась же я на терпѣніе ея праведное: въ ранахъ вся лежала, въ пролежняхъ значитъ. Никогда, бывало, не пожалуется, не поропщетъ, за все Бога благодарила, и насъ молодыхъ учила уму-разуму: „все терпите, говоритъ, не гнѣвите Бога ропотомъ, отъ трудовъ рукъ своихъ питайтесь и уповайте на Бога. Онъ васъ, милыя мои, не оставитъ за то, что вы, послушанія ради, грѣшную Мареу не оставляете. Воздастъ вамъ за меня Царь небесный.“ И точно, правду она намъ говорила: всѣ мы (шестеро насъ было) безъисходно въ монастырѣ вѣкъ свой прожили, всѣ ангельскаго образа сподобились; хотя и бѣдны были весь вѣкъ, но Господь миловалъ, голодны не были. Вотъ теперь я одна изо всѣхъ еще жива по грѣхамъ моимъ.“

Съ живымъ любопытствомъ слушалъ я словоохотливую старицу и спѣшилъ записывать рѣчи ея слово въ слово. Слава Богу, подумалъ я, что нынѣшнимъ лѣтомъ удалось мнѣ побывать въ Суздалѣ; еслибъ я промедлилъ еще годъ или два, можетъ быть не нашелъ бы уже здѣсь этой престарѣлой монахини, послѣдней свидѣтельницы подвиговъ Мареы Я—ны.

— Долго прожила блаженная у васъ въ монастырѣ? спросилъ я старушку.

„Вовсе не была она монастыркой и въ монастырѣ не жила, только случалось, что гащивала она здѣсь иногда у монахинь знакомыхъ; проживала иногда дня по два, только рѣдко, и въ Покровскомъ монастырѣ у игуменьи (какъ бишь ее звали, не припомню). А всегда жила М. Я. у пріятельницы своей, у здѣшней мѣщанки вдовы Авдотьи Ивановны Изюмовой; и домикъ-то Изюмовой здѣсь былъ близехонько, рядомъ съ дьяконовымъ домомъ; давно ужь сломали его. О прежнемъ житьѣ-бытьѣ М. Я—ны слыхала я отъ старыхъ людей, да и сама она кой-что разсказывала. Была она родомъ изъ здѣшнихъ мѣщанъ; Сонины прозывались. Сироткой по десятому году осталась послѣ родителей; до двадцати лѣтъ съ братьями женатыми въ роди-

тельскомъ домѣ прожила, работала на нихъ, пуще всякой работницы, безъ отдыха. Были у ней хорошіе женихи, изъ купечества, но не пожелала блаженная наша замужъ выйдти; обрекла, значитъ, себя на труды для спасенія души. А въ семьѣ-то тяжко и грустно ей было жить: жены братьевъ ея промежь себя ссорились и мужей на вражду наводили. Вотъ М. Я. удалилась отъ зла и сотворила благо; пошла странствовать по святымъ мѣстамъ, у Соловецкихъ чудотворцевъ побывала, въ Кіевъ два раза сходила. Воротилась съ богомолья и поселилась у Изюмовой въ домикѣ на весь вѣкъ, а тутъ и юродствовать начала. Въ длинной бѣлой рубашкѣ стала ходить, и всегда почти босикомъ; другой одежды никакой не носила. По улицамъ всегда отъ мѣста до мѣста бѣгомъ бѣгала; бывало ребятишки бѣгутъ за ней, хохочутъ, дразнятъ. А она никогда на нихъ не осердится, только пальцемъ погрозитъ; а то и гостинцы имъ раздаетъ, баранки, либо пряники, когда купцы ей приносили на поклонъ. Мимо дома родительскаго когда пробѣжитъ, постучитъ бывало въ окошечко и кричитъ: „Покайтесь, молитесь, живите мирно, не гнѣвите Бога"! А въ домъ рѣдко заходила, потому что не слушались ея невѣстки; все у нихъ свара стояла, да брань грѣховная съ утра до вечера. И сбылось же надъ ними слово блаженной: обнищали и примерли всѣ, еще при ней, только остались могилки родителей ея и всего Сонинскаго рода на кладбищѣ у Воскресенья; и теперь еще кой-кто изъ городскихъ поминаютъ ихъ въ родительскія субботы; чтутъ, значитъ память М. Я., оттого и сродниковъ ея не забываютъ. А чужіе-то многіе ее слушали; читывала она имъ изъ божественныхъ книгъ, и какъ же сладко читала и толковала—наплачешься, бывало, слушавши. И добрые совѣты подавала многимъ, какъ жить, какъ отъ грѣха себя оберегать. Здѣсь въ монастырѣ, въ былые годы (меня еще кажется и на свѣтѣ тогда не было) говаривала она здѣшнимъ монастыркамъ: „не занимайтесь суетой, трудитесь больше, зависти и сплетенъ удаляйтесь. А не то—смотрите—Богъ накажетъ, все пропадетъ,

и преподобная-то сама уйдетъ отъ васъ къ Лазарю". И много, много разъ повторяла имъ такія слова. Вѣдь сбылась же угроза М. Я—ны. Весь монастырь до тла выгорѣлъ; церковное добро все почти пропало, да и у монастырскихъ-то ничего не осталось; кто только въ чемъ выскочилъ, то и уберегъ А какъ соборъ загорѣлся, мощи благовѣрной княжны Евфросиніи подняли монахини съ гробомъ изъ раки и снесли въ ближнюю церковь приходскую друга Божія Лазаря (прежде она наша монастырская была). Видишь, какъ слово-то праведное сбылось: ушла преподобная къ Лазарю! Этому пожару лѣтъ сто уже будетъ. (Ризположенскій монастырь выгорѣлъ 13 августа 1769 года). Да не только въ монастыряхъ, а и въ мірѣ многіе отъ блаженной пользу получали: здѣшніе всѣ ее знали и уважали, и за совѣтомъ къ ней приходили, и молитвъ ея просили себѣ въ помощь, и младенцевъ къ ней болящихъ приносили, а она бывало либо водицы Богоявленской дастъ съ молитвою, либо антидору частичку. Что же? какъ рукой сниметъ недугъ у ребенка. А вотъ не любила она, голубушка, какъ ужь очень примутся почитать ее и хвалить въ глаза: сейчасъ начнетъ смѣяться, вертѣться, кидаться изъ угла въ уголъ, словно дурочка какая; тутъ ужь и слова хорошаго отъ нея не услышишь. Разсердятся гости, бранить ее начнутъ, а ей то и любо. Пріѣзжали къ ней изъ другихъ городовъ, изъ Костромы, изъ Ярославля и купцы и помѣщики, а больше барыни; вѣру къ ней большую имѣли. Много она имъ правды въ глаза говорила и не льстила имъ никогда. Привозили ей и присылали всякихъ припасовъ и денегъ давали; она ничего себѣ не берегла, часть отдавала хозяйкѣ своей, а прочее все бѣднымъ раздавала. Пріѣхала къ ней разъ княгиня Т., барыня пребогатая и денегъ привезла рублей 200, а М. Я. и взять не захотѣла. „Ты бы, мать моя, (такъ и сказала при мнѣ) лучше свою бѣдноту пожалѣла: раздѣтые они у тебя, босые, голодные, хотя и рабы твои, а всѣ же братья во Христѣ. Маріушѣ ничего не надо. Маріуша сыта и довольна по милости Божіей". Такъ и не взяла ничего; совсѣмъ пристыдила княгиню".

— А не случалось ли вамъ, спросилъ я старушку, встрѣчать у Мареы Яковлевны моихъ бабушекъ, барышенъ Сумароковыхъ?

„Сумароковыхъ? Какъ же, голубчикъ мой, очень помню. Три сестрицы были, барышни ужь не молодыя. Заѣзжали онѣ къ Мареѣ Яковлевнѣ по дорогѣ въ Москву, иногда и нарочно ѣздили; проживали въ Суздалѣ дня по два и по три. М. Я. любила ихъ и была къ нимъ ласкова; все отъ нихъ принимала, что привозили. При нихъ никогда не юродствовала. Бывала съ ними и племяненка, дѣвочка молоденькая, мнѣ должно быть ровесница (старушка вспомнила покойную мать мою, урожденную Сумарокову, которая была немного моложе ея). И братца ихъ помню, былъ онъ у М. Я. незадолго до кончины ея, когда она уже совсѣмъ ослабѣла; баринъ былъ добрый, степенный; волосы сѣдые назадъ зачесаны, глаза голубые. Вотъ какъ теперь помню его. Еще блаженная тогда ему скорбь какую-то предрекла—теперь не припомню. Она вѣдь прозорливая была; многимъ сущую правду впередъ сказывала и все сбывалось“.

Разсказъ объ этомъ свиданіи роднаго дѣда моего, Николая Андреевича Сумарокова съ блаженной Мареой Яковлевной хорошо сохранился у меня въ памяти; я слыхалъ его отъ покойной матушки и отъ бабушекъ. Блаженная сама пожелала видѣть Н. А., котораго видала прежде у сестеръ его, а онъ никогда къ ней не хаживалъ. Долго разговаривала блаженная съ гостемъ и на прощаньи сказала ему: „За все благодари Бога, голубчикъ мой, Н. А., никогда не ропщи. Теперь тебѣ не на что и роптать, а придетъ время, вспомни Мареушино слово: покорись волѣ Божіей, терпи, не ропщи“. Дѣдъ мой по разсказамъ знавшихъ его, былъ человѣкъ строгихъ правилъ, честный, богобоязненный, нѣжный отецъ.—Спустя полтора года послѣ смерти блаженной М. Я. посѣтило старика страшное горе: въ нѣсколько минутъ онъ лишился трехъ взрослыхъ сыновей, нечаянно утонувшихъ въ Волгѣ; у него остался одинъ младшій сынъ, еще мальчикъ. Дочь (мать моя)

была уже замужемъ. Тяжко было безъутѣшному отцу: цѣлыя сутки пролежалъ онъ, какъ будто въ безпамятствѣ; только по временамъ слышны были прерываемыя рыданіями слова: „Господи, Твоя святая воля... Господи, спаси отъ искушенія“. Ни разу не слыхали отъ него ропота въ немногія, послѣднія лѣта его жизни; только замѣтно было, что онъ никогда не говорилъ объ утонувшихъ сыновьяхъ. Когда онъ умеръ, отпѣвавшій его преосв. Августинъ (тогда еще викарій Московскій) сказалъ одному изъ своихъ знакомыхъ: „сегодня память многострадальнаго Іова (это было 6 мая 1810 года) и я отпѣвалъ Іова. По имени онъ былъ Николай, а по дѣламъ Іовъ“.

На вопросъ мой о послѣднихъ дняхъ Суздальской подвижницы, монахиня Марія разсказала мнѣ слѣдующее: „Мароа Яковлевна въ послѣднее время каждый день ходила къ намъ въ монастырь къ ранней обѣднѣ; зимой въ теплой церкви стояла въ уголкѣ, а лѣтомъ—въ соборъ не входила; становилась всегда передъ сѣверными вратами и молилась прямо на раку благовѣрной княжны. На этомъ самомъ мѣстѣ и могила ея. Вотъ и пришла она въ послѣдній разъ, въ Ильинъ день, и стояла на всегдашнемъ своемъ мѣстѣ. Выходимъ мы изъ собора, видимъ—лежитъ наша М. Я. ничкомъ на землѣ. Подняли мы ее, голубушку; чуть дышетъ, совсѣмъ безъ памяти. Отнесли къ игуменьѣ въ кельи; на другой день опамятовалась, только ногами обѣими не владѣла до самой кончины. Стала просить: „отнесите меня, Христа ради, къ Авдотьѣ Ивановнѣ.“ Снесли мы ее на рукахъ; тамъ она и пролежала семь лѣтъ недвижимо, а мы ей служить ходили почередно. Терпѣнье какое было—и разсказать не умѣю. Каждую субботу святыхъ Христовыхъ Таинъ пріобщалась: носилъ къ ней св. Дары духовникъ ея, отъ праведнаго Лазаря священникъ отецъ Иванъ. И про него тебѣ разскажу: было у него горе большое. Сынка его изъ здѣшней бурсы послали въ Питеръ—въ академію учиться, а малый-то и пропалъ безъ вѣсти. Ужь какъ сокрушался отецъ Иванъ; приходъ бѣдный, четыре поповны-подростки; вся надежда была на

сына. М. Я. утѣшала своего духовнаго отца: „Не горюй, батюшка, терпи и Богу молись: не пропалъ твой Алёша; еще увидишь его, воротится тебѣ на радость“.—Такъ и сбылось. Прошло годовъ нѣсколько, и поповичъ нашъ вернулся, послѣ замиренья (вѣроятно въ 1815 году). Чтожь ты думаешь, гдѣ пропадалъ? Какъ доѣхалъ только до Питера, такъ и сбѣжалъ на какіе то аглицкіе корабли; захотѣлось, вишь, парню по бѣлому свѣту погулять. Весь свѣтъ Божій, говорятъ, кругомъ объѣхалъ. И съ деньгами большими воротился; сестеръ пристроилъ; отца всѣмъ снабдилъ, и стали жить изобильно, какъ никогда прежде не живали. Только попадья старая не дождалась радости; года за два померла.“

„А какъ настали послѣдніе дни, М. Я. предчуствовала свой конецъ; со всѣми знакомыми простилась и иконы, какія у ней были, раздала намъ на благословеніе. Въ день кончины, св. Таинъ причастилась, особоровалась и канонъ на исходъ души прослушала. А какъ читали канонъ, она всякое слово повторяла; наизусть знала канонъ, видно часто про себя читала. Сама свѣчку задула, перекрестилась три раза и такъ тихо преставилась блаженная, словно сладкимъ сномъ заснула. На шестой день схоронили, потому что все подъѣзжали на похороны изъ другихъ городовъ; ни тлѣнія не примѣчали, ни запаха не слыхали, даромъ что жары были сильные. А какой плачъ былъ на погребеніи, особенно бѣдные воплемъ выли! Народу столько было, что въ соборѣ яблока негдѣ уронить, и монастырь весь былъ полонъ. Пока въ домѣ лежало тѣло, панихиды ни днемъ ни ночью не умолкали. Да и нынѣ часто приходящіе и пріѣзжіе просятъ служить панихиды надъ могилою, и многіе исцѣленія по вѣрѣ своей получаютъ.“

Такъ кончила свой разсказъ почтенная старица. Игуменья подтвердила слова ея о благодатныхъ исцѣленіяхъ. Еще недавно (въ 1850 году) исцѣлилась, послѣ молитвы на могилѣ Суздальской подвижницы, сосѣдняя помѣщица Настасья Степановна Щ—ва, много лѣтъ страдавшая мучительною нервною болѣзнію.

Въ нынѣшнее же утро успѣлъ я посѣтить другой женскій монастырь въ Суздалѣ—Покровскій. Объ немъ разскажу вамъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Суздаль. 2 іюля 1868.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Другой дѣвичій монастырь въ Суздалѣ — первокласный Покровскій, стоитъ на противоположномъ концѣ города, на низменномъ мѣстѣ близь рѣчки Каменки. Историческія воспоминанія обѣихъ обителей совершенно различны: Ризположенская, о которой писалъ я вамъ, многоуважаемый В. П. въ послѣднемъ моемъ письмѣ, возникла въ XIII вѣкѣ, прославлена, почти въ самомъ началѣ своемъ, святыми подвигами преп. княжны Евфросиніи, посвятившей дѣвство свое небесному Жениху и съ того времени служитъ мирнымъ пріютомъ для дѣвственницъ, отрекшихся отъ міра. Не такая участь суждена была монастырю Покровскому: онъ учрежденъ въ 1364 году, по обѣту Суздальскаго князя Андрея Константиновича и по благословенію св. епископа Іоанна, имѣлъ первою настоятельницею родную племянницу преп. архимандрита Евѳимія, который уступилъ подъ обитель землю, принадлежавшую основанному имъ знаменитому Спасскому монастырю. Въ XVI-мъ вѣкѣ обитель Покровская сдѣлалась мѣстомъ заточенія для царицъ и княгинь. Первая испытала этотъ жребій супруга в. кн. Василія Ивановича Соломонія Юрьевна, изъ рода Сабуровыхъ, невольно постриженная съ именемъ Софіи. За нею, въ XVII вѣкѣ, послѣдовали тѣмъ же скорбнымъ путемъ державныя инокини: Ольга (царевна Ксенія, дочь Бориса Годунова), Елена (супруга Василія Шуйскаго, царица Марія Петровна) и наконецъ другая Елена (первая супруга Петра I, царица Евдокія Ѳеодоровна, изъ рода Лопухиныхъ, мать несчастнаго царевича Алексѣя). Сколько пролили здѣсь слезъ невольныя постриженницы, сколько вынесли онѣ томленій и страданій въ той тяжкой

борьбѣ, которая освобождаетъ душу отъ всѣхъ земныхъ узъ и готовитъ ее къ блаженной вѣчности!

Древнія зданія Покровскаго монастыря огромны и величественны, въ особенности двухъ-ярусный соборный храмъ Покрова Богородицы, воздвигнутый благочестивымъ усердіемъ в. кн. Василія Ивановича въ 1514 году. Храмоздатель, присутствуя при освященіи этого храма съ молодою и прекрасною супругою, могъ ли думать, что здѣсь она будетъ спасаться въ иночествѣ и подъ тяжелыми сводами усыпальницы найдетъ себѣ могилу, когда онъ, черезъ 10 лѣтъ, такъ жестоко и беззаконно отринетъ ее и осудитъ на невинное заточеніе!

Въ иконостасѣ соборнаго храма замѣчательны двѣ иконы— вкладъ царя Іоанна Грознаго, при возвращеніи его изъ завоеванной Казани. Одна изъ нихъ, икона Богоматери, именуемая Грузинскою,—почитается чудотворною и украшена золотою ризою съ драгоцѣнными камнями. Другая— св. Николая чудотворца—замѣчательна по изяществу древняго письма. Въ олтарѣ сохранились два древнихъ образа: Вседержителя,—благословеніе Новгородскаго владыки Леонида царевичу Іоанну Іоанновичу,—и списокъ съ Казанской иконы Богородицы, принадлежавшій царицѣ Евдокіи и оставленный ею, при выѣздѣ изъ монастыря.

Нижній ярусъ соборнаго зданія занятъ обширной усыпальницей, наполненной гробницами. На самомъ видномъ мѣстѣ, прямо противъ входа, почиваетъ въ нѣдрахъ земли преп. Софія (Соломонія, супруга в. кн. Василія). Послѣ 20-лѣтняго, бездѣтнаго супружества, она была пострижена по волѣ супруга-самодержца, который хотѣлъ вступить въ новый бракъ съ Еленою Глинскою, чтобы имѣть наслѣдника престолу. Несчастная княгиня противилась насильственному совершенію надъ нею обряда, билась объ землю, вырывала ножницы изъ рукъ митрополита Даніила, наконецъ, видя неодолимое насиліе, залилась слезами и, надѣвая мантію, сказала: „Богъ увидитъ и отмститъ моему гонителю.“ Но порывы страстей скоро утихли въ сердцѣ невольной постриженницы: она всею душею обратилась

къ Господу и изгнала изъ души мірскія мечты. Такъ, восходя отъ совершенства къ совершенству путемъ скорби и борьбы съ собою, блаж. инокиня Софія прожила въ Суздальской Покровской обители, (куда заточили ее послѣ постриженія) 17 лѣтъ и мирно почила 16 декабря 1542 года. Современники свято чтили память блаж. княгини-схимонахини Софіи „новой Суздальской чудотворицы" (по надписи на иконѣ ея, положенной на гробницѣ). Ключарь Ананія, составившій „описаніе о градѣ Суждалѣ" въ XVII вѣкѣ, записалъ и самыя „чудеса и знаменія, истекающія отъ гроба преподобныя," числомъ болѣе 20; въ томъ числѣ прозрѣніе малолѣтной дочери княгини Ногтевой, послѣ шестилѣтней слѣпоты и избавленіе Суздаля отъ раззоренія Ляхами въ 1609 году. Отъ грознаго явленія преп. Софіи у извѣстнаго грабителя Лисовскаго отнялась правая рука и онъ поклялся не раззорять города и монастырей. Въ 1650 году, архіепископъ Суздальскій Серапіонъ, по благословенію патріарха Іосифа, свидѣтельствовалъ мощи благовѣрной великой княгини Софіи; патріархъ своею грамотою приказалъ ему положить покровъ на гробницѣ и „пѣть молебны, какъ водится по чину." Теперь правятъ надъ гробницею панихиды, а не молебны, но преп. княгиня изображается на иконахъ и память ея мѣстно празднуется 16 декабря.

Подлѣ гробницы ея погребенъ младенецъ — царевна Анастасія. Въ монастырѣ сохранилось преданіе, будто бы она была дочерью в. к. Василія Ивановича отъ втораго брака его съ Еленою Глинскою и отдана на воспитаніе къ княгинѣ-инокинѣ Софіи. Но это явная ошибка: царевна была дочерью царя Василія Шуйскаго (потому и царевна, а не княжна) и умерла здѣсь, заточенная вмѣстѣ съ матерью, насильно постриженной царицей Маріей. Дядя царевны, князь Петръ Ивановичь Шуйскій, въ схимѣ Іона, далъ въ Покровскій монастырь серебряное блюдо „по царевнѣ Настасьѣ ставить на гробу съ кутьею."

Много въ усыпальницѣ и другихъ царственныхъ и княжескихъ гробницъ. Здѣсь погребены: царица Анна, изъ

рода Васильчиковыхъ, пятая супруга Грознаго царя, опоенная ядомъ; в. княгиня—инокиня Александра, супруга несчастнаго царевича Іоанна Іоанновича, погибшаго отъ руки родителя; княгини и княжны изъ рода Шуйскихъ, Скопиныхъ, Бѣльскихъ, Черкасскихъ, Татевыхъ, Ногтевыхъ, Горбатовыхъ, Кислыхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были невольными постриженницами, другія искали въ стѣнахъ обители мирнаго убѣжища отъ ужасовъ своего времени.

Почтенная и добрая игуменья Евлампія провела меня, изъ-подъ сводовъ усыпальницы, мимо старинной шатровой колокольни, соединенной крытыми переходами съ соборнымъ храмомъ, въ монастырскую ризницу, которая сохраняется въ придѣлѣ теплой Зачатіевской церкви.—Ризница богата замѣчательными вещами. Здѣсь видѣлъ я черный бархатный покровъ съ крестомъ изъ дробницъ, присланный при грамотѣ патріарха Іосифа; богослужебные сосуды царя Іоанна Грознаго; убрусъ и пелену, унизанныя жемчугомъ—вкладъ первой супруги его царицы Анастасіи; воздухи высокой цѣны — вкладъ царя Ѳеодора и царицы Ирины и много другихъ, древнихъ и драгоцѣнныхъ иконъ и утварей. Здѣсь же сохранились три старинныя рукописи: 1) Евангеліе въ 4-ку, вкладъ слуги князя Горбатова въ Флоровскую церковь села Ярлыкова, писанное въ 1525 году; 2) Другое евангеліе, вкладъ въ Покровскій монастырь священника Ивана Андреева въ 1574 году; 3) Псалтирь слѣдованная XVI вѣка. Но всего любопытнѣе въ Покровской ризницѣ совершенно-оригинальное, единственное въ своемъ родѣ, неоцѣненное, но мало извѣстное антикваріямъ, собраніе крестиковъ, складней и разныхъ украшеній, всего болѣе 200 предметовъ старинной греческой, западной и русской работы, изъ золота и серебра съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, изъ яшмы, агата, кости и дерева. Тутъ поражаютъ взглядъ изяществомъ искуства мониcты, ожерелья, серьги, запястья (браслеты), кольца и перстни. Въ числѣ ихъ находятся ожерелье крупнаго жемчуга, съ закрѣпами изъ яхонтовъ лазоревыхъ и червней (рубиновъ) и серьги Казан-

скія царицы Марьи Темрюковны (второй супруги Грознаго), перстни царицы Маріи (Шуйской) и царевны Ксеніи (Годуновой). Были здѣсь и еще два перстня — булатный царя Іоанна и золотой съ печатью царицы Маріи Темрюковны, но они взяты въ 1845 году, по Высочайшему повелѣнію, въ Эрмитажъ. Тамъ, въ царственной сокровищницѣ, слѣдовало бы сохраняться и всѣмъ этимъ драгоцѣннымъ вещамъ, а не въ ризницѣ смиренной обители, гдѣ никто ихъ не видитъ, гдѣ онѣ только тяготятъ собою инокинь, сберегающихъ безполезное для нихъ сокровище: обители, небогатой средствами содержанія полезнѣе было бы имѣть хотя небольшую сумму денегъ. Въ недавнее время молодые художники Строгановской школы сняли превосходные рисунки и гипсовые слѣпки съ драгоцѣнной Покровской коллекціи; любители старины могутъ любоваться ихъ работою въ Московскомъ художественно-промышленномъ музеѣ, на Мясницкой.

По выходѣ изъ ризницы, мы осмотрѣли надъ святыми вратами монастыря Благовѣщенскую церковь съ двумя придѣлами: Живоначальныя Троицы и Архангела Михаила. Въ первомъ изъ нихъ давно уже не служатъ по тѣснотѣ и уничтоженію иконостаса: престолъ еще цѣлъ и на срачицѣ его, подъ верхнею одеждою, приклеенъ антиминсъ, освященный въ 1645 году Герасимомъ, архіепископомъ Суздальскимъ и Тарусскимъ, при игуменьѣ Ольгѣ. Въ другомъ, Архангельскомъ придѣлѣ видны слѣды затворовъ, отдѣлявшихъ его отъ остальнаго храма, и дверь, которая вела черезъ переходы въ особыя кельи.

Эти кельи съ переходами, деревянныя, полуразрушенныя временемъ, давно уже разобраны; на мѣстѣ ихъ роятся воспоминанія, не только скорбныя, но и страшныя, кровавыя. Въ этихъ кельяхъ, наскоро выстроенныхъ въ 1705 году, жила развѣнчанная супруга царя Петра I-го, постриженная по волѣ его царица Евдокія Θеодоровна, въ иночествѣ Елена; она молилась въ Архангельскомъ придѣлѣ, запертомъ со всѣхъ сторонъ отъ народа. Но она не предалась въ волю Божію, съ кроткимъ смирені-

емъ и всецѣлымъ отрѣшеніемъ отъ міра, по образцу пострадавшей прежде ея, въ стѣнахъ той же обители, преп. Софіи. Евдокія привезена въ Покровскій монастырь въ 1698 году и здѣсь тайно пострижена, въ присутствіи окольничаго Языкова, присланнаго царемъ. Постриженіе произведено за занавѣсомъ такъ тайно, что и казначея, въ кельяхъ которой жила тогда царица, не видала ничего.... Царица Евдокія была наречена въ иночествѣ Еленою. Православный русскій народъ не простилъ Петру постриженія царицы безъ церковнаго суда и приговора—и всегда порицалъ за это царя. Это подтверждается сохранившимися дѣлами Преображенскаго приказа и тайной канцеляріи. Въ горѣ и нищетѣ жила царица-инокиня первое время въ монастырѣ Покровскомъ. Петръ забылъ объ ней совершенно, даже не назначилъ ей никакого денежнаго содержанія; родные ея Лопухины помогали ей: кто платьемъ, кто съѣстными припасами. Тяжелъ переходъ изъ царскихъ чертоговъ въ монастырскую келью, грустно для молодой самолюбивой женщины переодѣться изъ золотыхъ парчей въ черную рясу, и при томъ безъ вины, насильственно. Невольная затворница, мать наслѣдника престола, ожидала себѣ лучшей участи, надѣялась, не смягчится ли сердце Петра, не вступитъ ли на престолъ сынъ ея.... Въ монастырѣ вела она мірскую жизнь, кушала въ скоромные дни мясную пищу, носила мірское платье. Ростовскій епископъ Досиѳей и духовникъ ея священникъ Ѳеодоръ Пустынный поддерживали въ ней несбыточныя надежды разсказами о вымышленныхъ видѣніяхъ. Многіе мірскіе люди посѣщали бывшую царицу; изъ числа ихъ особенно понравился ей маіоръ Степанъ Глѣбовъ, набиравшій рекрутъ въ Суздалѣ въ 1710 году. Такъ продолжалась жизнь Евдокіи до побѣга сына ея за границу. Царевичь былъ привезенъ обратно и принужденъ отречься отъ престолонаслѣдія въ пользу сына Петра I отъ втораго брака съ Екатериною, малолѣтнаго царевича Петра Петровича. На другой день начался страшный „Кикинскій“ розыскъ, окончившійся въ іюнѣ 1718 года пытками и смертію нес-

частнаго царевича Алексѣя. Тогда Евдокія была схвачена и привезена къ допросу. Открылись всѣ ея сношенія съ разными лицами, лживыя пророчества епископа Досиѳея и связь Евдокіи съ Степаномъ Глѣбовымъ. Скоро рѣшилась участь всѣхъ этихъ лицъ: царица-инокиня заточена сначала въ Ладожскій монастырь, потомъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Степанъ Глѣбовъ посаженъ на колъ, разстрига Демидъ Глѣбовъ (бывшій епископъ Досиѳей) колесованъ, другой разстрига Ѳедоръ (бывшій духовникъ царицы) обезглавленъ; игуменья Покровскаго монастыря Марѳа и инокиня Капитолина пытаны, биты кнутомъ и заключены въ тюрьму. Вина этихъ старицъ состояла въ слабомъ смотрѣніи за царицей и въ исполненіи ея порученій. По вступленіи на престолъ Петра II, внука царицы Евдокіи, она была освобождена изъ заключенія и поселилась въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Пострадавшія за нее старицы тогда же получили свободу и игуменья Марѳа снова вступила въ настоятельство Покровскаго монастыря. Надгробный ея камень и теперь виденъ близъ входа въ соборную церковь. По преданію изъ рода въ родъ, повторяются въ обители слова ея, обращенныя къ монахинямъ: „Милыя мои, не пытанныя, не мученныя, не наказанныя, Бога благодарите, что мукъ не извѣдали. А я все вытерпѣла, никого не выдала, никого въ бѣду не ввела“. Таковы воспоминанія Покровскаго монастыря!

Чувствую, что письмо вышло длинно, а я не успѣлъ еще побывать ни въ городскомъ соборѣ, ни въ Спасо—Евѳиміевомъ монастырѣ. Потомъ нужно спѣшить въ Нижній. Слѣдующее письмо, по всей вѣроятности, напишу вамъ въ деревнѣ, по возвращеніи изъ поѣздки.

3 іюля, 1868 года.

ПИСЬМО ОСЬМОЕ.

Отдыхая въ деревнѣ послѣ поѣздки, берусь за перо, чтобы написать вамъ, многоуважаемый В. П., о тѣхъ достопамятностяхъ древняго Суздаля, о которыхъ я не

успѣлъ передать вамъ въ двухъ послѣднихъ моихъ письмахъ.

Въ средоточіи Суздаля, въ Кремлѣ, обнесенномъ крутыми валами, на которыхъ нѣкогда стояли деревянныя стѣны съ башнями, возвышается обширный и величественный соборный храмъ въ честь Рождества Богоматери. Исторія его довольно обширна.

При водвореніи христіанства въ Суздалѣ св. Владиміромъ Равноапостольнымъ, первый, воздвигнутый здѣсь, деревянный соборъ, былъ посвященъ тому же празднику. Въ половинѣ XI вѣка, св. епископъ Симонъ поставилъ на мѣстѣ прежняго, новый соборъ. Церковь эта была каменная объ одномъ верхѣ и покрыта тесомъ. Изъ послѣдствій видно, что храмъ этотъ устроенъ былъ весьма непрочно, такъ, что въ 1194 г. великій князь Всеволодъ III нашелъ необходимымъ сдѣлать въ немъ большія поправки, покрыть его оловомъ и поставить три большіе верхà съ главами. По истеченіи 28 лѣтъ, церковь снова оказалась непрочною; великій князь Георгій Всеволодовичъ въ 1222 году, заложилъ новую. Чрезъ три года храмъ оконченъ и освященъ, а въ 1233 году расписанъ и вымощенъ, по сказанію лѣтописца, краснымъ разноличнымъ мраморомъ; а въ 1238 г. при нашествіи на Суздаль орды Батыевой, разграбленъ. Послѣ того, безъ малаго около 300 лѣтъ, эта церковь находилась въ самомъ жалкомъ положеніи.

Въ 1528 г., Геннадій епископъ Суздальскій, получилъ позволеніе и пособіе отъ великаго кн. Василія Іоанновича, для перестройки соборной церкви, которой своды и главы, бывшіе долго безъ поддержки, совершенно обветшали и угрожали паденіемъ. Церковь была низменная. Вел. князь приказалъ возвысить ее; поэтому на старыхъ стѣнахъ, сдѣланныхъ изъ бѣлаго камня, надстроены были новыя кирпичныя стѣны, и соборъ поднятъ почти вдвое выше противъ прежняго; своды укрѣплены на 6-ти столбахъ; вмѣсто трехъ главъ, поставлены пять; главы и вся церковь покрыты оловомъ. Въ началѣ XVII столѣтія,

Суздальскій соборъ, перестроенный и внутри украшенный епископомъ Геннадіемъ, былъ ограбленъ буйною толпою Ляховъ, занявшихъ Суздаль подъ предводительствомъ Лисовскаго, и стоялъ опустошеннымъ болѣе полугода, доколѣ городъ не былъ очищенъ отъ непріятелей.

Въ 1634 г., Серапіонъ Суздальскій архіепископъ, по повелѣнію царя Михаила Өеодоровича, привелъ въ прежнее положеніе соборъ, обезображенный и разграбленный Поляками; внутренность его украсилъ лучшимъ, въ то время въ Россіи, живописнымъ художествомъ; устроилъ придѣлы во имя св. святителей Өеодора и Іоанна, Суздальскихъ чудотворцевъ, и близь собора воздвигъ каменную шатровую колокольню. По древнему вкусу, соборъ былъ устроенъ съ небольшими окнами и стѣсненъ хорами, на которыхъ, какъ значится въ описныхъ церковныхъ книгахъ, за 1628 и 29 годы, было до 5 престоловъ. Кромѣ сего, въ самой церкви было до 40 гробницъ; надгробные камни, разставленные по храму, дѣлали его весьма тѣснымъ. По соизволенію царя Өеодора Алексѣевича, митрополитъ Иларіонъ снялъ надгробные камни, уничтожилъ хоры и расширилъ окна. Теперь въ соборѣ пять престоловъ—главный во имя Рождества Богородицы и два придѣльныхъ: по правую сторону во имя святителя и чудотворца Іоанна, по лѣвую — святителя и чудотворца Өеодора, перваго епископа Суздальскаго. По лѣвую сторону съ запада пристроена епископомъ Порфиріемъ, въ 1751 г., теплая церковь—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; въ 1815 г. устроенъ въ этой же церкви придѣлъ во имя Рождества Христова, при Ксенофонтѣ, епископѣ Владимірскомъ и Суздальскомъ, на память 1812 года.

При этихъ пристройкахъ, сдѣланныхъ въ разное время, и въ разныхъ архитектурныхъ стиляхъ, наружный видъ собора совершенно измѣнился. Первоначальный храмъ, Романскаго зодчества, имѣлъ фигуру правильнаго параллелограмма, съ тремя алтарными выступами на востокъ; теперь церковь представляетъ на планѣ совершенно неправильный многоугольникъ. Если смотрѣть на нее съ

юга, увидимъ, что ближайшая къ востоку часть главнаго храма, съ придѣломъ святителя Іоанна, весьма широка; ближе къ западу—храмъ менѣе широкъ; далѣе, въ притворѣ—храмъ еще болѣе съуживается; наконецъ самая узкая часть — западная паперть теплой церкви.—Съ сѣверной стороны эта неправильность незамѣтна, потому что стѣна идетъ прямо, безъ всякихъ уступовъ, отъ алтаря и до паперти.

Въ алтарѣ собора, за жертвенникомъ, поставленъ деревянный крестъ огромнаго размѣра, обложенный позолоченнымъ серебромъ. Внутри этого креста устроеннаго блаж. митрополитомъ Иларіономъ, вложена, при подножіи Распятія, въ серебряномъ ковчежцѣ, довольно большая часть животворящаго древа креста Господня, дарованная святителю царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ.

Иконостасъ главнаго храма — старинный, плоскій, безъ всякой рѣзной работы. Иконы поставлены просто на брусьяхъ и держатся пазами. Только внизу подъ мѣстными образами есть тумбы рѣзной работы, устроенныя епископомъ Порфиріемъ.

Особенно замѣчательны слѣдующія иконы: 1) Спаса на убрусѣ, писанная на полотнѣ, и принесенная, какъ увѣряетъ преданіе, изъ Греціи св. Ѳеодоромъ, первымъ Суздальскимъ епископомъ и просвѣтителемъ Суздальской страны. 2) Пресв. Богородицы, именуемая Смоленскою, чудотворная, въ богатой ризѣ, съ золотымъ вѣнцемъ, украшеннымъ каменьями и жемчугомъ. Сей образъ Богоматери принесенъ при св. епископѣ Іоаннѣ изъ Городца Волжскаго и прославленъ (какъ свидѣтельствуетъ ключарь Ананія въ книгѣ „о градѣ Суждалѣ“) многими благодатными знаменіями. Жители города прибѣгаютъ къ нему съ особенною вѣрою. 3) Четыре иконы, называемыя Корсунскими, превосходнаго и весьма древняго греческаго письма—Спасителя, двѣ иконы Богородицы и одна Предтечи. Мѣстное преданіе относитъ ихъ къ временамъ св. вел. кн. Владиміра.

Нетлѣнныя мощи двухъ великихъ святителей Суздаль-

скихъ открыто почиваютъ въ каѳедральномъ ихъ храмѣ. Массивная рака изъ позолоченнаго серебра на лѣвой сторонѣ иконостаса (тамъ, гдѣ прежде до пристройки придѣловъ была сѣверная стѣна собора), заключаетъ въ себѣ мощи св. епископа Ѳеодора. Другая такая же рака, съ мощами св. епископа Іоанна, занимаетъ мѣсто на лѣвой сторонѣ, у бывшей южной стѣны. Обѣ раки устроены въ 1794 г. епископомъ Викторомъ.

Св. Ѳеодоръ, первопрестольникъ Суздальскій, былъ посвященъ въ санъ епископа Ростовскаго въ 990 г. и въ этомъ году построенъ имъ въ Ростовѣ изъ дубоваго дерева первый соборный храмъ въ честь Богоматери, стоявшій послѣ того 168 лѣтъ. Грубые язычники Ростова, принявшіе и послѣ того такъ худо св. Леонтія, весьма враждебно смотрѣли на перваго христіанскаго епископа Ростова. Много вытерпѣлъ отъ нихъ разныхъ оскорбленій блаж. Ѳеодоръ и въ 992 г. принужденъ былъ удалиться изъ Ростова. То самое, что мощи св. Ѳеодора съ незапамятныхъ временъ почиваютъ въ Суздальскомъ соборѣ, показываетъ, что блаж. Ѳеодоръ, изгнанный изъ Ростова, жилъ въ поселеніи, сдѣлавшемся въ послѣдствіи городомъ Суздалемъ, и что проповѣдь его въ краю Суздальскомъ, въ первыя два столѣтія входившемъ въ кругъ Ростовской епархіи, сохранилась въ благодарной памяти края. Такъ какъ по спискамъ Ростовскихъ епископовъ прежде св. Леонтія три раза поставляется въ Ростовѣ Ѳеодоръ: то это подаетъ мысль, что св. Ѳеодоръ изъ Суздальскаго уединенія снова возвращался въ Ростовъ на каѳедру. Это подтверждается и рукописнымъ житіемъ св. Леонтія; здѣсь сказано о равноапостольномъ Владимірѣ: „Ѳеодора епископа посла въ Ростовъ съ княземъ Борисомъ.“ Извѣстно, что св. Борисъ былъ посланъ въ Ростовъ въ 1010 г. на мѣсто князя Ярослава, поступившаго въ Новгородъ; слѣд. прибытіе св. Ѳеодора въ Ростовъ вмѣстѣ съ княземъ Борисомъ было также не прежде 1010 г. Въ этотъ разъ онъ пробылъ въ Ростовѣ вѣроятно до 1014 г., пока не вызванъ былъ князь Борисъ

больнымъ отцемъ въ Кіевъ. Страдальческая кончина св. Бориса и послѣдовавшая за нею кровавая борьба Ярослава съ братоубійцею Святополкомъ благопріятны были только для изувѣровъ язычества и блаженному епископу трудно было въ такое время удержаться въ Ростовѣ.— Въ помянутомъ житіи св. Леонтія сказано, что блаж. Ѳеодоръ, прибывъ съ княземъ Борисомъ въ Ростовъ, хотя усердно трудился надъ просвѣщеніемъ народа св. вѣрою, но невѣріе глубоко пустило корни въ народѣ и св. проповѣдникъ „изгнанъ бысть.“— По спискамъ Ростовскихъ епископовъ, послѣ удаленія Ѳеодора изъ Ростова, сюда присланъ былъ Иларіонъ; но и тотъ отъ ненависти язычниковъ скоро удалился изъ Ростова.—По лѣтописямъ не показанъ годъ кончины св. Ѳеодора. По разсказу ихъ объ избіеніи женщинъ волхвами въ Суздалѣ въ 1024 г. не видно, чтобы тогда былъ живъ ревностный проповѣдникъ вѣры. Такимъ образомъ блаженную кончину ревностнаго пастыря можно отнести къ 1023 г. Св. мощи его съ незапамятнаго времени почиваютъ нетлѣнно и прославлены многими чудотвореніями.

Святитель Іоаннъ въ молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ иноческую обитель и здѣсь боголюбиво подвизался.—Когда князь Константинъ Васильевичъ, полюбивъ Нижній Новгородъ, сдѣлалъ его вмѣсто Суздаля главнымъ городомъ своего обширнаго княжества, то вмѣстѣ съ тѣмъ пожелалъ онъ имѣть при себѣ особаго епископа, отдѣльнаго отъ Ростовскаго и Владимірскаго и обратился съ просьбою о томъ къ патріарху. Согласно съ его желаніемъ благочестивый Іоаннъ посвященъ былъ (1350 г.) патріархомъ въ епископа Нижегородскаго и Суздальскаго. Это посвященіе не обошлось безъ непріятностей. Въ лѣтописи читаемъ: „въ 1351 г. преосвящ. Ѳеогностъ митрополитъ благословилъ совершать служеніе епископу Даніилу Суздальскому; онъ отлученъ былъ за нѣкоторую вину и опять пріялъ прежній санъ свой“.— Въ чемъ состояла вина Даніила? Весьма вѣроятно, что Суздальскій епископъ возсталъ съ ропотомъ противъ распоряженій патрі-

арха о посвященіи Іоанна въ епископа Нижегородскаго и Суздальскаго и за то подвергся запрещенію. Послѣ того извѣстіе лѣтописи о разрѣшеніи Даніила надобно отнесть только къ священнослуженію, а не къ самостоятельному управленію Суздальскою епархіею, такъ какъ и послѣ того управлялъ монастырями Суздальскими епископъ Іоаннъ. Когда благочестивый князь Борисъ Константиновичъ пожелалъ устроить новую обитель въ Суздалѣ, то блаженный святитель Іоаннъ не только назначилъ преп. Евѳимія исполнителемъ доброй воли князя, но самъ освящалъ мѣсто для обители, и потомъ (1352 г.) поставилъ Евѳимія въ санъ архимандрита. — Блаженный архипастырь, радуясь успѣхамъ мужественнаго князя Константина, покорявшаго своей власти дикую Мордву, усердно сѣялъ сѣмя слова Божія на новой нивѣ, между Мордвою. Онъ покорялъ сердца св. вѣрѣ особенно своею высокою благостію и живымъ благочестіемъ. Безкорыстный и сердобольный, онъ заботился болѣе о покоѣ другихъ, чѣмъ о своемъ. Ему казалось, что на крестьянахъ, которые жили на земляхъ церковныхъ, лежатъ слишкомъ тяжелые налоги и онъ облегчилъ повинности ихъ. Онъ устроилъ богадѣльни для больныхъ и престарѣлыхъ. Благочестивый князь Андрей Константиновичъ, разсказавъ святителю, что во время плаванія по Волгѣ былъ онъ въ большой опасности отъ бури и тогда же далъ обѣтъ построить женскій монастырь въ честь Покрова Богоматери, просилъ благословенія и совѣта его на устроеніе обители. Святитель благословилъ добрыя желанія князя, назначилъ мѣсто для новой обители и поручилъ настоятельство племянницѣ преп. Евѳимія. Первосвятитель Алексій, на томъ основаніи, что при м. Максимѣ къ Владимірской каѳедрѣ его принадлежалъ не одинъ Владиміръ, а и города Суздальскаго княжества, причислилъ къ митрополичьей каѳедрѣ Суздаль, Нижгородъ и Городецъ. Съ того времени блаженный Іоаннъ, отказавшись отъ дѣлъ правленія, сталъ проводить жизнь въ уединеніи. Въ мирной обители Боголюбовской совершалъ онъ подвиги молитвы и поста

безмолвникомъ, и мирно почилъ 15 октября 1372 года. Время открытія мощей неизвѣстно. Чудеса изчислены въ книгѣ Ананіи.

Многіе архипастыри Суздаля нашли себѣ вѣчный покой подъ сводами древняго храма. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательны: архіепископъ Софроній, поступившій на Суздальскую епархію въ 1654 году; въ томъ же году, находясь въ Москвѣ, онъ умеръ отъ моровой язвы, бывшей тогда по всей Россіи, и погребенъ на своемъ архіерейскомъ подворьѣ. По истеченіи 60 лѣтъ, при Игнатіи, Суздальскомъ епископѣ, мощи Софронія были вынуты изъ земли для перенесенія въ Суздаль и переложены въ новый гробъ, при чемъ не только тѣло святителя, но и ризы, въ которыхъ онъ положенъ былъ, оказались (по свидѣтельству ключаря Ананіи) совершенно нетлѣнными. Могила Софронія въ соборѣ у западной стѣны лѣваго придѣла.

У лѣвой стороны лѣваго западнаго столпа погребенъ Арсеній, ученый грекъ, бывшій архіепископомъ города Элассона въ Ѳессаліи. Въ 1587 году онъ присланъ былъ отъ цареградскаго патріарха Іереміи въ Львовъ, и тамъ два года преподавалъ уроки въ новомъ училищѣ Львовскаго братства, потомъ сопровождалъ того же патріарха въ Москву для установленія Русскаго патріаршества и — кажется — съ того времени остался въ Москвѣ. Тамъ находился онъ и въ 1612 году, въ Кремлѣ занятомъ Ляхами и измѣнниками и осажденномъ вѣрною Русскою ратью, и сподобился видѣнія великаго чудотворца Сергія. Въ 1613 году Арсеній назначенъ архіепископомъ въ Суздаль, гдѣ и скончался 29 апрѣля 1625 года. Тѣло его, погребенное въ соборѣ, было свидѣтельствовано въ 1668 году, потому что (какъ доносилъ Суздальскій архіепископъ Стефанъ патріарху Іоасафу) „былъ на гробу его кирпичный сводъ, и тотъ сводъ и персть осыпались, и люди гробъ его видятъ, и подлѣ той гробницы, не починя, стоять нельзя“. Мощи обрѣтены нетлѣнными, переложены въ новый гробъ и погребены на прежнемъ мѣстѣ.

Иларіонъ, первый митрополитъ Суздальскій, знаменитѣйшій изъ числа мѣстныхъ архипастырей, основатель и первый настоятель Флорищевой пустыни, ревностный подвижникъ до святительства, и мудрый архипастырь, управлялъ епархіею 26 лѣтъ (съ 1682 года по 1708 годъ) съ неутомимою дѣятельностію и примѣрнымъ благоразуміемъ, возобновляя древніе и созидая (гдѣ оказывалась нужда) новые храмы, раздавая неоскудную милостыню, заботясь о вдовахъ и сиротахъ, исправляя нравы духовенства. Святительскія дѣла его и донынѣ воспоминаются съ благодарностію, любовію и благоговѣніемъ. Донынѣ многіе притекаютъ къ его гробу и служатъ панихиды, ожидая богоугодныхъ молитвъ и помощи его въ тяжкихъ недугахъ и горестяхъ житейскихъ. Особенно многія беременныя женщины, не только въ Суздалѣ, но и въ другихъ городахъ, прибѣгаютъ къ нему съ молитвою о счастливомъ чадорожденіи, и имѣютъ у себя живописное изображеніе митрополита Иларіона. Гробница святителя Божія, мирно почившаго въ маститой старости 14 декабря 1708 года, находится въ сѣверо-западномъ углу собора, близь могилы архіепископа Софронія. Надъ ракою блаж. Иларіона поставлено превосходно написанное современное изображеніе его во весь ростъ, въ томъ самомъ саккосѣ, который пожалованъ ему царемъ Өеодоромъ Алексѣевичемъ, весьма любившимъ и уважавшимъ добродѣтельнаго митрополита. Жизнь его описана мною въ Душеполезномъ Чтеніи (апрѣль 1867 г.).

Въ соборѣ погребены также многія лица изъ древнихъ родовъ князей Суздальскихъ, Ногтевыхъ, Шуйскихъ (въ томъ числѣ отецъ царя Василія), Горбатовыхъ, Кислыхъ, Бѣльскихъ и Скопиныхъ. Но всѣхъ ихъ важнѣе одна древняя могила, къ сожалѣнію, забытая по многимъ перестройкамъ собора и уничтоженію надгробницъ: это могила терпѣливаго страдальца, блаж. князя Святослава Юрьевича, почившаго 11 января 1174 года. Лѣтописецъ говоритъ о немъ такъ: „Избранникъ Божій бѣ: отъ рождества и до совершенія мужества бысть ему болѣзнь зла, ея же бо-

лѣзни просяхуть на ся святіи апостоли и святіи отцы у Бога; кто бо постражетъ болѣзнью тою, якоже книги глаголютъ, тѣло его мучится, а душа его спасается. Такоже и той воистину святый Святославъ, Божій угодникъ, избранный во всѣхъ князехъ; не да бо ему Богъ княжити на земли, но да ему царство небесное. И по успеньи его положено бысть его тѣло въ церкви святыя Богородицы въ Суждалѣ."

Ризница собора весьма богата. Особенно поражаютъ великолѣпіемъ вклады благочестиваго царя Ѳеодора, въ память по родителѣ его, царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ — напрестольный золотой крестъ, осыпанный крупнымъ жемчугомъ, евангеліе, на которомъ обѣ доски, верхняя и нижняя, золотыя, чеканной работы, украшенныя жемчугомъ, изумрудами и другими каменьями, золотые богослужебные сосуды, золотое же кадило. На исподней доскѣ евангелія вычеканена надпись объ этомъ вкладѣ: „Въ лѣто отъ сотворенія міра 7185 октября 26 дня, Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ пожаловалъ въ Суждаль въ Соборную Апостольскую Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы сіе святое Евангеліе, златомъ и иными драгоцѣнными вещами украшенное, купно съ иною церковною же утварью, еже есть честный, животворящій крестъ благословенный, и сосуды въ нихъ же литургисати, шапка архіерейская, кадило также все златое и другими вещми украшенное, повелѣніемъ отца своего блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ церковное благолѣпіе вѣчныхъ ради благъ, при своемъ Государевѣ богомольцѣ Архіепископѣ Стефанѣ Суждальскомъ и Юрьевскомъ." Замѣчательны также: крестъ кипарисный рѣзной, изящнаго греческаго дѣла, принесенный сюда, какъ увѣряетъ преданіе, святителемъ Ѳеодоромъ, и огромное евангеліе, вкладъ царевны Софіи Алексѣевны; оно писано весьма красивымъ полууставомъ въ два столбца на Александ-

рійской бумагѣ; листы украшены искусными бордюрами и картинками, изображающими евангелистовъ и нѣкоторыя событія изъ жизни Спасителя. Верхняя доска на евангеліи обложена серебромъ позолоченнымъ, съ рѣзными изображеніями, а задняя покрыта малиновымъ бархатомъ, съ серебрянымъ посрединѣ крестомъ. Украшенія сдѣланы при Иларіонѣ митрополитѣ. Это евангеліе, можно сказать, верхъ искусства XVII в. и по калиграфіи и по отдѣлкѣ рисунковъ.

Наружныя, входныя двери собора (западныя и южныя), называемыя Корсунскими, обиты золотистою мѣдью, и на обѣихъ половинкахъ каждой изъ нихъ, въ переплетахъ, помѣщены изображенія событій изъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ, а вдоль наличниковъ, въ кругахъ, лики святыхъ. На нижнихъ переплетахъ представлены звѣри и травы. Эти двери подробно описаны въ „Древностяхъ Россійскаго Государства.“ Третьи такія же двери (сѣверныя) взяты въ Москву и находятся въ Успенскомъ соборѣ.

Послѣ соборнаго храма обширное двухъ-этажное зданіе съ подвалами на сводахъ — бывшій архіерейскій домъ. Неправильное расположеніе весьма малыхъ оконъ съ частыми переплетами въ одной необитаемой половинѣ дома (другая занята уѣзднымъ духовнымъ училищемъ) напоминаетъ зданія XVII вѣка. И дѣйствительно, домъ построенъ митрополитомъ Иларіономъ. Имя этого неутомимаго дѣятеля слышится на каждомъ шагу въ Суздалѣ; многіе храмы онъ возобновилъ, украсилъ, снабдилъ утварью. Въ этомъ отношеніи Иларіонъ также памятенъ для Суздаля, какъ современникъ его — митрополитъ Іона Сисоевичъ для Ростова.

Послѣднимъ хозяиномъ этого стариннаго зданія былъ епископъ Викторъ, перешедшій въ 1789 году во Владиміръ, при перенесеніи туда архіерейской каѳедры изъ Суздаля. Бабушки мои Сумароковы бывали у него здѣсь и вспоминали о немъ, какъ о старцѣ весьма добродушномъ, снисходительномъ и сострадательномъ къ водвамъ и сиротамъ. Весьма неохотно переѣхалъ онъ во Влади-

міръ. Разсказываютъ, что однажды императоръ Павелъ, проѣзжая черезъ Владиміръ, принялъ ласково епископа Виктора, и сказалъ ему: „здравствуй, архіепископъ!„ (Эти слова значили тогда пожалованіе въ архіепископское достоинство). Ободренный царскою милостію, престарѣлый архипастырь сталъ просить у государя позволенія переселиться назадъ въ свой Суздальскій домъ, но государь прогнѣвался и отвѣчалъ ему: „Жить тебѣ здѣсь, а не въ Суздалѣ. Прощай, епископъ!“ — Такъ преосвященный Викторъ, архіепископъ на нѣсколько минутъ, снова сдѣлался епископомъ и умеръ въ этомъ санѣ, на покоѣ въ Новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ.

15 іюля 1868 года.
с. Каменки.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Изъ городскаго собора мы отправились въ Спасо-Евѳиміевскій монастырь, гдѣ были весьма радушно приняты просвѣщеннымъ его настоятелемъ, о. архимандритомъ Досиѳеемъ, который еще недавно вступилъ въ управленіе обителью, но дорожитъ ея стариною и заботится о составленіи описанія монастыря, въ чемъ усердно помогаетъ ему одинъ родственникъ, молодой человѣкъ, окончившій курсъ наукъ въ семинаріи.

Мы поспѣшили поклониться мощамъ основателя монастыря, преп. Евѳимія. „Спостникъ и собесѣдникъ преп. Сергія, Радонежскаго чудотворца“ (какъ сказано въ житіи его), Евѳимій родился въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ ранней юности пришелъ въ пещерную обитель Діонисія (въ послѣдствіи епископа Суздальскаго). Здѣсь, по волѣ настоятеля, Евѳимій носилъ воду и рубилъ дрова въ пекарнѣ; взглядъ на огонь возбуждалъ въ немъ слезы сокрушенія о грѣхахъ, ввергающихъ грѣшника въ огонь вѣчный. Трудясь неутомимо, онъ проводилъ ночи въ молитвѣ и постился, употребляя пищу не до сытости, а воду пилъ мѣрою. Когда князь Борисъ Константиновичъ въ

1352 году пожелалъ построить въ Суздалѣ монастырь и просилъ у блаж. Діонисія одного изъ учениковъ его для настоятельства въ новой обители, Діонисій назначилъ Евѳимія. „Не удаляй меня, отче, отъ пребыванія съ тобою: тяжело мнѣ жить съ чужими“, со слезами говорилъ Евѳимій. „Господня земля, а непослушанія бойся“, отвѣчалъ Діонисій. Въ Суздалѣ св. Іоаннъ самъ указалъ Евѳимію мѣсто для обители, вблизи города, на берегу рѣки Каменки, рукоположилъ его въ санъ архимандрита и освятилъ новопостроенный храмъ въ честь Преображенія Господня. При самомъ построеніи храма, преп. Евѳимій приготовилъ въ немъ мѣсто для своего погребенія и своими руками обтесалъ камни для гроба. Къ смиренному подвижнику собралось до трехъ сотъ братіи. Стадо свое пасъ онъ бдительно и съ духовною разсудительностію; училъ безропотному послушанію, чистотѣ и безкорыстію. Никому не дозволялъ имѣть какую-либо собственность и если у кого находилъ что-либо свое, подвергалъ епитиміи. Строго запрещалъ разговоры въ храмѣ и въ трапезѣ повелѣвалъ хранить молчаніе; изъ трапезы въ келлію надлежало идти также молча и не заходя ни къ кому. Послѣ 52-лѣтняго настоятельства, блаж. старецъ преставился 88 лѣтъ 1-го апрѣля 1404 года.

Мощи преп. Евѳимія, прославленныя многими чудотвореніями, почиваютъ открыто въ соборномъ храмѣ обители, освященномъ въ честь Преображенія Господня. Этотъ храмъ заложенъ въ 1509 году, при чемъ были обрѣтены нетлѣнныя мощи преп. Евѳимія. По освященіи храма въ 1511 году, прежняя монастырская церковь, также Преображенская, построенная самимъ основателемъ обители, освящена вновь во имя преп. Евѳимія и сохранилась до нашего времени, какъ замѣчательный и весьма рѣдкій памятникъ зодчества XIV вѣка.

Въ соборномъ храмѣ, въ числѣ многихъ древнихъ образовъ, особенно привлекаютъ къ себѣ благоговѣніе молящихся двѣ иконы: 1) Умиленія Богородицы, извѣстная также подъ названіемъ Корсунской, почитаемая мѣстно

чудотворною, превосходнаго греческаго письма, въ золотой ризѣ, украшенной камнями и крупнымъ жемчугомъ. На чеканномъ, серебряномъ кіотѣ, въ который вставлена икона, вырѣзана слѣдующая надпись. „Лѣта 7098 (1590 г.) милосердіемъ Бога нашего Іисуса Христа и Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, ради многочудесныя и чудотворныя Ея иконы, здѣланъ сей кіотъ серебрянъ по завѣту и повелѣніемъ Демида Ивановича Черемисинова“. 2) Списокъ съ Казанской иконы Божіей Матери, богато украшенный, вкладъ по князѣ Димитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ.

У раки чудотворца Евѳимія—на южной стѣнѣ храма, близь иконостаса—поставлена икона Преображенія Господня, съ золотымъ вѣнцомъ старинной работы, вкладъ того же знаменитаго князя Д. М. Пожарскаго. Тутъ же сохраняются: мѣдный крестъ, желѣзный посохъ, вериги и митра преп. Евѳимія.

Зимняя церковь—Успенская, одноглавая съ шатровымъ верхомъ. Колокольня весьма сходна съ соборною Ростовскою, невысокая, съ пролетами для колоколовъ, которые повѣшены всѣ въ одинъ рядъ.

Еще одна церковь во имя святителя Николая, бывшая прежде больничною, теперь отдѣлена отъ монастыря особою оградою и назначена для арестантовъ. Арестантское отдѣленіе учреждено здѣсь по волѣ императрицы Екатерины II-й съ 1766 года и существуетъ болѣе 100 лѣтъ. Конечно я не могъ, да и не старался проникнуть туда, зная, что доступъ къ заключеннымъ строго запрещенъ; но между жителями города слышно, что здѣсь содержится раскольничій Новозыбковскій лжеепископъ Кононъ, о которомъ въ старообрядческой рукописи подъ заглавіемъ „Сказаніе вкратцѣ о православныхъ епископѣхъ, въ гонительное время бывшихъ“ сказано, что онъ „пострада во градѣ Суждалѣ“. Говорятъ, что онъ старецъ весьма благообразный и смиренный, раскаивается въ своихъ заблужденіяхъ и близокъ къ возвращенію въ лоно православной Церкви. Передаю, что̀ слышалъ, нисколько

не ручаясь за справедливость разсказа. Говорятъ также, что изъ 24 келлій въ арестантской казармѣ (бывшей нѣкогда бурсою) теперь занято 19. Замѣчательно, что инструкція, данная при учрежденіи этой темницы, отличается человѣколюбіемъ необыкновеннымъ въ то время: въ ней строго запрещены не только истязанія или пытки, но даже и оковы. Для охраненія арестантовъ находится здѣсь особый военный караулъ.

Близъ соборнаго храма въ недавнее время воздвигнута бѣломраморная часовня надъ усыпальницею князей Пожарскихъ. Издавна извѣстно было, по преданію, что прахъ знаменитаго освободителя Москвы отъ Ляховъ, въ бѣдственное время междуцарствія, боярина и воеводы князя Д. М. Пожарскаго почиваетъ въ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ. Въ 1851 году графъ А. С. Уваровъ, съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, рѣшился вскопать пространство около придѣла преп. Евѳимія, и вскорѣ поиски увѣнчались успѣхомъ. Нѣсколько вправо отъ придѣла онъ открылъ усыпальницу, уставленную гробами въ три ряда, и прочиталъ надписи съ именами князя Ѳедора Дмитрича Пожарскаго и князя Никиты Хованскаго, который былъ женатъ на сестрѣ князя Димитрія Михайловича; надписи послужили явнымъ доказательствомъ, что это и есть усыпальница Пожарскихъ, какъ подтверждали то и монастырскія записи. Но нелегко еще было опредѣлить, которая изъ гробницъ скрывала въ себѣ прахъ князя Димитрія: всѣхъ гробницъ въ усыпальницѣ было 23. Строгій осмотръ внѣшняго вида гробницъ довелъ графа Уварова до убѣжденія, что князь Димитрій долженъ быть погребенъ въ одной изъ гробницъ третьяго ряда, который начинается гробницею Ѳедора Дмитріевича, скончавшагося за девять лѣтъ до смерти отца. Въ этомъ ряду, заключающемъ 9 гробницъ, обратила на себя вниманіе одна изъ такого же известковаго камня и такой же формы, какъ и гробница князя Ѳедора: она въ свое время была предметомъ особеннаго вниманія, ибо замѣтно, что она одна обложена особымъ кирпичнымъ сводомъ. Открытія

графа Уварова повергнуты были на Высочайшее воззрѣніе Императора Николая Павловича, и Его Величество благоволилъ поручить повѣрку ихъ особо назначенной коммиссіи.

Въ февралѣ 1852 года упомянутая гробница была открыта; въ ней нашли остовъ престарѣлаго человѣка, обернутый саваномъ изъ шелковой матеріи, съ остатками богатыхъ боярскихъ украшеній, состоящихъ въ золотомъ шитьѣ по кафтану и поясу, какихъ не могъ имѣть никто изъ рода Пожарскихъ, неимѣвшихъ боярскаго достоинства, кромѣ князя Димитрія Михайловича. Это открытіе принято было за доказательство мнѣнія, что именно эта гробница должна хранить его останки. Надъ этою-то могилою и поставленъ сказанный памятникъ.

Ризница монастырская достойна полнаго вниманія по множеству старинныхъ вещей и утварей, тщательно сбереженныхъ безъ всякой передѣлки, или лучше сказать искаженія ихъ въ новѣйшее время. Къ сожалѣнію не обо всѣхъ ризницахъ можно такъ отозваться. Здѣсь даже описи прежнихъ временъ всѣ въ цѣлости. Отъ нынѣшняго досточтимаго настоятеля обители, Русская археологія можетъ ожидать обстоятельнаго описанія монастыря, которое обезпечитъ на будущее время сохранность здѣшнихъ древностей.—Не утомляя вашего вниманія подробнымъ обозрѣніемъ ризницы, ограничусь указаніемъ вкладовъ, поступившихъ отъ рода Пожарскихъ: 1) Евангеліе рукописное, искуснаго полууставнаго письма XVI вѣка, съ красивыми заставками и заглавными буквами, обложенное рытымъ бархатомъ съ серебряною верхнею доскою. Изъ собственноручной подписи князя Д. М. Пожарскаго видно, что это Евангеліе пожертвовано имъ въ обитель 14 октября 1615 года. 2) Отъ него же поступило (въ 1604 г.) большое паникадило, которое виситъ въ трапезѣ соборной церкви. 3) Двѣ митры: одна низанная жемчугомъ, другая шитая золотомъ и серебромъ; плащаница и двѣ епитрахили—вкладъ супруги князя Д. М. княгини Өеодоры Андреевны. Наконецъ мнѣ пріятно было

увидѣть вкладъ моего предка — камчатную красную пелену на престолъ, данную въ 1636 году Вас. Ив. Толстымъ по дочери его Марьѣ Васильевнѣ (В. И. былъ родной дѣдъ Петра Андреевича, перваго графа Толстаго). Въ числѣ рукописей, кромѣ прежде помянутаго Евангелія, я особенно замѣтилъ другое небольшое Евангеліе XIV вѣка „келейное чудотворца Евѳимія"; кормчую книгу XVI в., данную въ 1595 году по преосв. Іовѣ, архіепископѣ Суздальскомъ, и толковую псалтирь—списокъ съ труда преп. Максима (1523 года). Въ этой рукописи замѣчательно на первомъ листѣ свѣдѣніе о сотрудникахъ Максима Грека: „Споспѣшницы Максиму, Греку сущу и Латинскимъ гласомъ Греческій изъясняющу, Власій и Димитрій бѣша России достовѣрніи мужіе и Латинскаго гласа зѣло искусніи толмачи великаго князя и самодержца всея Росіи Василья Ивановича, писателіе же бѣша Михаилъ Медоварецъ и Селиванъ инокъ, иже и у того же Максима учился художнѣ Еллинскому ученію".

Послѣ посѣщенія Спасскаго монастыря удалось мнѣ видѣть еще двѣ древнія приходскія церкви въ г. Суздалѣ и одну въ окрестностяхъ.

Церковь св. великомученика Димитрія Солунскаго, при которой въ древности былъ монастырь, замѣчательна по мѣсту погребенія приснопамятнаго архипастыря. Ростовскій епископъ Кириллъ, котораго современники называли „блаженнымъ и учительнымъ" былъ прежде игуменомъ Димитріевскаго монастыря. Послѣ многотрудныхъ подвиговъ пастырскихъ, въ страшное время Батыева нашествія на Русскую землю, престарѣлый святитель принялъ схиму въ прежней своей обители и здѣсь окончилъ жизнь свою. Въ 1713 г., при копаніи рвовъ для фундамента нынѣшней Димитріевской церкви, найденъ былъ гробъ съ тѣломъ святителя, покрытымъ пеленою, подъ которою видна была одежда. Почему тогда же при устройствѣ настоящей каменной церкви сдѣлана на стѣнѣ, при самомъ мѣстѣ могилы, надпись, которая видна и понынѣ: „Изъ игуменовъ Дмитріевскаго монастыря, посвященъ былъ

въ городъ Ростовъ епископомъ въ лѣто 6724 (1216 г.), и потомъ принялъ схиму въ ономъ монастырѣ въ Суждалѣ въ лѣто 6737 (1229 г.), а преставился въ лѣто 6738 и погребенъ при храмѣ на мѣстѣ семъ Кириллъ епископъ“.

Въ Воскресенской церкви, что на базарной площади, находится чудотворная икона Божіей Матери. Исторія этой иконы слѣдующая: Шартомскаго Николаевскаго монастыря, благочестивый инокъ Іоакимъ, жившій въ XVII столѣтіи и занимавшійся иконописаніемъ, написалъ эту икону, вслѣдствіе явленія ему Божіей Матери въ сновидѣніи, по тому образу какой есть въ Казани, по повелѣнію самой Божіей Матери, онъ принесъ и поставилъ икону въ Воскресенской церкви. Послѣ того, онъ не захотѣлъ уже возвратиться въ Шартомскій монастырь, а жилъ близь этой церкви, въ устроенной имъ небольшой хижинѣ, до самой смерти. Въ 1728 году, копая рвы подъ фундаментъ теплаго храма, нашли гробъ его цѣлымъ и неповрежденнымъ. Тогдашній епископъ Суздальскій Іоакимъ зналъ по преданію, кто погребенъ въ этомъ гробѣ и потому приказалъ, не трогая и не открывая гроба, оставить его на томъ же мѣстѣ. Сказаніе о чудесахъ бывшихъ отъ иконы и о подвигахъ блаж. Іоакима сохраняется въ церкви.

Въ 3 верстахъ отъ Суздаля находится село Кидекша или Кидакша, расположенное на крутомъ берегу р. Нерли. Преданіе увѣряетъ, что это село было загороднымъ мѣстопребываніемъ князей Суздальскихъ; что В. К. Юрій Владимировичъ Долгорукій, занимаясь устройствомъ Суздальской страны и находя, что городъ Суздаль стоитъ не у мѣста, на долу, близь рѣки самой мелкой, намѣревался перенесть его на другое, болѣе удобное мѣсто, именно туда, гдѣ Кидакша. Уже заготовленъ былъ и матеріалъ, какъ вдругъ Юрій, неизвѣстно почему, оставилъ свое намѣреніе; и съ тѣхъ поръ это мѣсто стало именоваться Кидакшею, т.-е. „покинутымъ“. Впрочемъ, вѣроятнѣе можно считать это слово принадлежащимъ къ языку Чуди, какъ Кинешма, Нерехта и т. п. — По срединѣ села на

возвышенномъ мѣстѣ стоитъ церковь, построенная въ 1152 году вел. княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, изъ бѣлаго камня, во имя св. князей-страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Церковь сооружена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по сказанію лѣтописца, было „становище", или сборный пунктъ оныхъ св. князей, когда они, по требованію отца своего, св. князя Владиміра, ходили въ Кіевъ, одинъ изъ Ростова, а другой изъ Мурома.

Кромѣ зодчества въ Романскомъ стилѣ, въ какомъ построены и другіе древніе храмы XII-го вѣка, Кидекшинская церковь замѣчательна по княжескимъ гробницамъ. Одна изъ нихъ, въ юго-западномъ углу, поставлена надъ могилою князя Бориса Георгіевича, сына Юрія Долгорукаго (скончь. въ 1159 году); другая въ сѣверо-западномъ углу, надъ могилою супруги его Маріи. Въ 1675 году Суздальскій архіепископъ Стефанъ доносилъ царю Алексѣю Михайловичу слѣдующее: „Въ нынѣшнемъ, государь, „7183 году, промысломъ Божіимъ въ Борисоглѣбскомъ „монастырѣ, что въ Кидекшѣ, обрѣтошася мощи великаго „князя Бориса Георгіевича въ гробницѣ, и по досмотру „Спасскаго Евфиміева монастыря архимандрита, да Суж„дальскаго воеводы (Савелова) и тогожъ Борисоглѣбска„го монастыря священника, и прочихъ прилучившихся та„мо людей, онъ великій князь почиваетъ во своей одеждѣ, „и гербъ (?) на немъ, и донынѣ цѣло, а той великій князь „братъ благовѣрнаго великаго князя Андрея Юрьевича „Боголюбовскаго." Имѣло ли это донесеніе какія-либо послѣдствія — неизвѣстно.

Возвратившись, съ почтеннымъ моимъ спутникомъ К. Н. Тихонравовымъ, изъ Суздаля во Владиміръ, я тотчасъ же отправился, по желѣзной дорогѣ, въ Нижній-Новгородъ. Но тамъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, я могъ пробыть не болѣе однихъ сутокъ и едва успѣлъ окинуть бѣглымъ взглядомъ этотъ замѣчательный городъ, такъ что вовсе не имѣю возможности передать вамъ какія-либо свѣдѣнія о святыняхъ и древностяхъ Нижегородскихъ. Утѣшаю себя мыслію, что со временемъ, если буду живъ,

удастся мнѣ совершить путешествіе по Волгѣ: тогда снова увижу Нижній-Новгородъ, вмѣстѣ съ Тверью, Калязинымъ, Угличемъ и другими приволжскими городами. А теперь я считалъ бы нынѣшнюю поѣздку на родину Минина совершенно безъуспѣшною, еслибы не случилось, на обратномъ пути, одной, весьма назидательной для меня встрѣчи съ о. іеромонахомъ Г....., который разсказалъ мнѣ исторію своей жизни. Разсказъ его записанъ мною, сколько можно вѣрнѣе, на другой день, подъ названіемъ „живой мертвецъ“ и посылается, вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, на ваше благоусмотрѣніе.

1 августа 1868 г. с. Каменки.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ.

Возвращаясь въ Москву изъ Нижняго-Новгорода по желѣзной дорогѣ, я замѣтилъ въ уголкѣ воксала Владимірской станціи монаха, внимательно читавшаго книжку, повидимому, молитвенникъ. Видъ старца показался мнѣ замѣчательнымъ: сѣдые волосы и бѣлая, какъ снѣгъ, борода какъ будто противорѣчили глубокому, весьма оживленному юношескому взгляду большихъ черныхъ глазъ. Когда онъ окончилъ чтеніе и закрылъ книгу, я подсѣлъ къ нему, и изъ разговора узналъ, что онъ іеромонахъ Г....., строитель *** общежительной пустыни, ѣдетъ въ Петербургъ по дѣламъ своей обители, что онъ монашествуетъ уже болѣе 30 лѣтъ, а въ прежней мірской жизни былъ офицеромъ лейбъ-гвардіи ** полка.

— Какъ это случилось, спросилъ я его,—что вы изъ гвардейскихъ офицеровъ рѣшились сдѣлаться монахомъ? Вѣрно въ вашей жизни случилось что-нибудь необыкновенное.

— Охотно передалъ бы я вамъ—отвѣчалъ о. Г.....—повѣсть о моей жизни, или лучше сказать о милости Божіей, посѣтившей меня грѣшнаго, но разсказъ мой длиненъ. Скоро прозвонитъ звонокъ и намъ придется разстаться. Мы вѣдь въ разныхъ вагонахъ.

Я пересѣлъ къ моему собесѣднику въ вагонъ. По счастію, тамъ не было никого, кромѣ насъ, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

„Грустно и стыдно вспоминать мнѣ прошлое—такъ началъ о. Г.....— Я родился въ знатномъ и богатомъ семействѣ: отецъ мой былъ генералъ В., а мать—урожденная княжна Г. Мнѣ было семь лѣтъ, когда отецъ мой умеръ отъ раны, полученной въ Лейпцигскомъ сраженіи; мать умерла еще прежде. Круглымъ сиротою поступилъ я на

воспитаніе къ моей бабушкѣ, княгинѣ Г..... Тамъ пріискали мнѣ наставника француза, ревностнаго республиканца, бѣжавшаго въ Россію отъ гильйотины. Этотъ самозванный философъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о Богѣ, о безсмертіи души, о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка. Чему могъ я научиться у такого наставника? Говорить по-французски съ Парижскимъ произношеніемъ, мастерски танцовать, хорошо держать себя въ обществѣ; обо всемъ прочемъ—страшно теперь и подумать. Бабушка—старинная дама высшаго круга—и другіе родные любовались ловкимъ мальчикомъ, и никто изъ нихъ не подозрѣвалъ, сколько гнуснаго разврата и всякой преждевременной мерзости скрывалось подъ красивой наружной оболочкой. Когда минуло мнѣ 18 лѣтъ, я былъ уже юнкеромъ въ гвардейскомъ полку и помѣщикомъ 2000 душъ, подъ попечительствомъ дяди, который былъ мастеръ мотать деньги и меня обучилъ этому нетрудному искусству. Скоро я сдѣлался корнетомъ въ томъ же полку. Года черезъ два я былъ помолвленъ на княжнѣ **, одной изъ первыхъ красавицъ того времени. Приближался день, назначенный для свадьбы. Но промыслъ Божій готовилъ мнѣ другую участь; видно что надъ бѣдной душей моей сжалился Господь!

За нѣсколько дней до предполагаемаго брака, 15 сентября 183* года я возвращался домой изъ дворцоваго караула. День былъ прекрасный; я отпустилъ своего рысака и пошелъ пѣшкомъ по Невскому проспекту. Мнѣ было скучно, какая-то необъяснимая тоска стѣсняла грудь, какое-то мрачное предчувствіе тяготило душу.... Проходя подлѣ Казанскаго собора, я зашелъ туда: впервые отъ роду мнѣ захотѣлось помолиться въ церкви! Самъ не знаю, какъ это случилось, но я помолился усердно предъ чудотворною иконою Божіей Матери, молился объ удаленіи какой-то невѣдомой опасности, о брачномъ счастіи. При выходѣ изъ собора, остановила меня женщина въ рубищѣ, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ и просила подаянія. До тѣхъ поръ я былъ безжалостенъ къ нищимъ, но на этотъ разъ мнѣ стало жаль бѣдной женщины, я далъ ей

денегъ и примолвилъ: помолись обо мнѣ. Идучи далѣе, я сталъ чувствовать себя дурно, меня бросало то въ жаръ, то въ ознобъ, мысли мутились. Едва дошедши до квартиры, я упалъ безъ памяти, къ ужасу моего вѣрнаго Степана, который находился при мнѣ съ дѣтства и часто (но увы! безъуспѣшно) предостерегалъ меня отъ многихъ дурныхъ поступковъ. Чтó было послѣ—не помню; только представляется, какъ будто во снѣ, что около меня толпились врачи и еще какіе-то люди, что у меня страшно болѣла голова, и все какъ будто кружилось вокругъ меня. Наконецъ я совсѣмъ обезпамятѣлъ. Безпамятство продолжалось (какъ узналъ я послѣ)—двенадцать сутокъ и я какъ будто проснулся. Сознаю себя въ полной памяти, но не имѣю силъ открыть глаза и взглянуть, не могу открыть рта и испустить какой-нибудь звукъ, не могу тронуться ни однимъ членомъ. Прислушиваюсь—надо мной раздается тихій голосъ:

„Господь пасетъ мя, и ничтоже мя лишитъ. На мѣстѣ злачнѣ, тамо всели мя, на водѣ покойнѣ воспита мя. Душу мою обрати, настави мя на стези правды, имене ради своего. Аще бо и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко ты со мною еси.“ (Псал. 22).

А изъ угла комнаты слышу разговоръ двухъ моихъ сослуживцевъ; я узналъ ихъ по голосу.

—„Жаль бѣднаго В.— говорилъ одинъ—еще рано бы ему.... Какое состояніе, связи, невѣста красавица....

— Ну, на счетъ невѣсты жалѣть много нечего, отвѣчалъ другой. Я увѣренъ, что она шла за него по разсчету и очень неохотно. А В. точно жаль, теперь и занять не у кого, а у него всегда можно было перехватить сколько нужно и надолго....

— Надолго! иные и совсѣмъ не отдавали. А кстати, вѣроятно, лошадей его продадутъ дешево, хорошо бы купить парадёра (лучшаго верховаго коня).

Что же это, думалъ я, неужели я умеръ? Неужели душа моя слышитъ, что дѣлается и говорится подлѣ меня, подлѣ мертваго моего тѣла? Значитъ—есть во мнѣ душа,

отдѣльная отъ тѣла, можетъ-быть — безсмертная душа? (Бѣдный грѣшникъ! еще въ первый разъ встрѣтился я съ этою мыслію)! Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ я умеръ. Я чувствую, что мнѣ жестко лежать, чувствую, что мундиръ жметъ мнѣ грудь—значитъ я живъ! Полежу, отдохну, соберусь съ силами, открою глаза; какъ всѣ перепугаются и удивятся!

Прошло нѣсколько часовъ (я могъ исчислять время по бою стѣнныхъ часовъ, висѣвшихъ въ сосѣдней комнатѣ). Чтеніе псалтири продолжалось. На вечернюю паннихиду собралось множество родныхъ и знакомыхъ. Прежде всѣхъ пріѣхала моя невѣста, съ отцемъ своимъ, старымъ княземъ ***. „Тебѣ нужно имѣть печальный видъ, постарайся заплакать, если можно,“ говорилъ отецъ.—Не безпокойтесь, папа́, отвѣчала дочь, кажется я умѣю держать себя, но, извините, заставить себя плакать не могу. Вы знаете, я не любила В... я согласилась выйти за него только по вашему желанію, я жертвовала собой для семейства....— Знаю, знаю, мой другъ—продолжалъ старикъ—но что̀ скажутъ, если увидятъ тебя равнодушною? Эта потеря для насъ большое горе: твое замужство поправило бы наши дѣла. А теперь гдѣ найдешь такую выгодную партію?“— Разумѣется этотъ разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ, чтобы псаломщикъ и слуги не могли понять. Я одинъ слышалъ и понималъ!

Послѣ паннихиды подошла проститься со мною моя бывшая невѣста. Она крѣпко прильнула губами къ моей похолодѣвшей рукѣ, и долго, долго, какъ будто не могла оторваться. Ее отвели насильно, уговаривали не убивать себя горестью. Вокругъ меня слышались слова: „какъ это трогательно, какъ она любила его!“

О связи мірскія, какъ вы непрочны и обманчивы! Вотъ дружба товарищей, вотъ и любовь невѣсты! А я, жалкій безумецъ, любилъ ее страстно и въ ней одной полагалъ свое счастіе!....

Когда всѣ разъѣхались послѣ паннихиды, я услышалъ надъ собою плачь добраго старика Степана; слезы его

капали на мое лице. „На кого ты насъ покинулъ, голубчикъ мой—причитывалъ старикъ, что теперь съ нами будетъ! Умолялъ я тебя—побереги себя, баринъ! а ты не хотѣлъ и слушать. Погубили тебя пріятели и виномъ и всякимъ развратомъ. А теперь имъ до тебя и горя нѣтъ; только мы, слуги твои, надъ тобой плачемъ!" Вмѣстѣ съ Степаномъ плакали и крестьяне мои Я. губерніи, жившіе въ Петербургѣ по паспортамъ. Они любили меня искренно, потому что я не притѣснялъ ихъ, и не увеличивалъ оброка. По совѣсти признаюсь, что я поступалъ такъ единственно изъ безпечности; денегъ доставало мнѣ съ избыткомъ не только на мои потребности, но и на всѣ безобразія, какія приходили мнѣ въ голову.

Итакъ вотъ гдѣ нашелъ я слѣды искренней любви: въ сердцахъ простыхъ людей, рабовъ! Конечно и это чувство нельзя назвать безкорыстнымъ; по крайней мѣрѣ оно было непритворно!

Наступила длинная, безконечная ночь. Я сталъ вслушиваться въ чтеніе псалтири, для меня вовсе незнакомой; никогда прежде не раскрывалъ я этой божественной, сладостной книги.

„Къ Тебѣ, Господи, воззову, Боже мой, да не премолчиши отъ мене, и уподоблюся низходящимъ въ ровъ. Услыши Господи, гласъ моленія моего, внегда молитимися къ Тебѣ, внегда воздѣти ми руцѣ мои ко храму святому Твоему. Не привлецы мене со грѣшники, и съ дѣлающими неправду не погуби мене. Господь помощникъ мой, и защититель мой, на Него упова сердце мое, и поможе ми: и процвѣте плоть моя, и волею моею исповѣмся Ему" (Псал. 27, ст. 1, 2, 3 и 7.). „Господи, да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене. Яко стрѣлы твоя унзоша во мнѣ, и утвердилъ еси на мнѣ руку твою. Нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва твоего: нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ. Господи, предъ тобою все желаніе мое, и воздыханіе мое отъ тебе не утаися. Сердце мое смятеся, остави мя сила

моя, и свѣтъ очію моею, и той нѣсть со мною“. (Псал. 37, ст. 1—4, 10 и 11.)

Глубоко врѣзывались мнѣ въ сердце псаломскія слова, я повторялъ ихъ мысленно и горячо, горячо молился. Вся прошедшая жизнь разстилалась передо мною, какъ будто холстъ, покрытый разными нечистотами. Что-то невѣдомое, святое, чистое влекло меня къ себѣ, я далъ обѣтъ исправленія и покаянія, обѣтъ посвятить всю остальную жизнь на службу милосердому Богу, если только Онъ помилуетъ меня. А что—если не суждено мнѣ возвратиться къ жизни? Что, если эта живая смерть не прекратится, если меня—живаго мертвеца—заживо зароютъ въ землю?— Не могу теперь высказать всего, что перечувствовалъ я въ эту ужасную, незабвенную для меня ночь. Скажу вамъ только, что на другой день Степанъ замѣтилъ на головѣ моей, между юношескими русыми кудрями, цѣлый клокъ сѣдыхъ волосъ. Даже и послѣ, когда воображеніе представляло мнѣ во снѣ эту ночь, проведенную во гробѣ, я вскакивалъ, какъ безумный, съ раздирающими криками, покрытый холоднымъ пóтомъ!

Наступило утро, и душевныя страданія еще болѣе усилились. Мнѣ суждено было выслушать свой смертный приговоръ. Подлѣ меня говорили: „сегодня вечеромъ выносъ, завтра похороны въ Невской лаврѣ!“ Во время утренней панихиды кто-то замѣтилъ капли пота на моемъ лицѣ, и указалъ на то доктору.„ Нѣтъ, сказалъ докторъ, это холодное испареніе отъ комнатнаго жара.“ Онъ взялъ меня за пульсъ и примолвилъ: „пульса нѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ умеръ!“

Невыразимая пытка—считаться мертвымъ, ждать той минуты, когда заколотятъ крышку гроба, въ которомъ я лежу, когда земля на нее посыплется и не имѣть силы проявить жизнь свою ни взглядомъ, ни звукомъ, ни движеніемъ! А между тѣмъ я чувствовалъ, что силы мои были еще слабѣе, нежели вчера.... Нѣтъ надежды! Мрачное отчаяніе овладѣло мною, кровь била въ голову, мнѣ казалось, что всѣ внутренности мои сжимаются и содрога-

ются, изъ сердца вырывались потоки злобы и проклятій.... Но видно Ангелъ хранитель мой бдѣлъ надо мною: какое-то внутреннее чувство подсказывало мнѣ молитву изъ тѣхъ священныхъ словъ, которыя я слышалъ, лежа въ гробу.

„Боже мой! помилуй меня, пощади меня, я гибну! Скверенъ я, нечистъ, велики, безчисленны грѣхи мои, но милость Твоя безмѣрна. Помилуй мя, Господи, яко смятошася кости мои! Дай мнѣ время очистить совѣсть, загладить прежнюю жизнь мою! Твой есмь азъ — спаси мя!“ Такъ взывалъ я изъ глубины души, обуреваемый предсмертною тоскою.

Еще нѣсколько мучительныхъ, безотрадныхъ часовъ— и я не молился уже о возвращеніи къ жизни: я молилъ себѣ тихой смерти, какъ избавленія отъ предстоявшихъ мнѣ страшныхъ мукъ. Мало-по-малу успокоивалась душа моя въ крѣпкой молитвѣ: ужасы медленной смерти въ могилѣ представлялись мнѣ казнію заслуженною. Я всецѣло предалъ себя въ волю Божію и желалъ только одного—отпущенія грѣховъ моихъ.

Въ такихъ чувствахъ находился я при вечерней паннихидѣ, когда пѣвчіе пѣли надо мною: „Образъ есмь неизрѣченныя Твоея славы, аще и язвы ношу прегрѣшеній; ущедри Твое созданіе, Владыко, и очисти Твоимъ благоутробіемъ, и вожделѣнное отечество подаждь ми, рая паки жителя мя сотворяя“. Паннихида кончилась и какіе-то люди подняли меня вмѣстѣ съ гробомъ. При этомъ они какъ-то встряхнули меня и вдругъ изъ груди моей безсознательно вырвался вздохъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ другому: „покойникъ какъ будто вздохнулъ“?—„Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, тебѣ показалось“. Но грудь моя освободилась уже отъ стѣснявшихъ ее спазмовъ—я громко застоналъ. Всѣ бросились ко мнѣ, докторъ быстро разстегнулъ мундиръ, положилъ руку мнѣ на сердце и съ удивленіемъ сказалъ: „сердце бьется, онъ дышетъ, онъ живъ! Удивительный случай“! Живо перенесли меня въ спальню, раздѣли, положили въ постель, стали тереть какимъ-то спиртомъ. Скоро открылъ я глаза и первый взглядъ мой упалъ на икону Спа-

сителя, ту самую икону, которая (какъ узналъ я послѣ) лежала на аналоѣ у изголовья моего гроба. Потоки слезъ пролились изъ глазъ моихъ и облегчили сердце. Въ ногахъ кровати стоялъ Степанъ и плакалъ отъ радости. Подлѣ меня сидѣлъ докторъ и уговаривалъ быть спокойнымъ. Онъ не понималъ моего положенія.

Помощь доктора была мнѣ вовсе не нужна; молодыя силы возобновлялись быстро. Впрочемъ я благодаренъ ему за то, что онъ, по просьбѣ моей, запретилъ пускать ко мнѣ постороннихъ, чтобы не безпокоить больнаго.

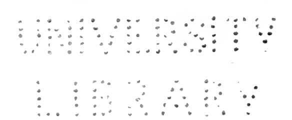
Въ совершенномъ одиночествѣ провелъ я нѣсколько дней, не видя ни одного чужаго лица: отрадою и пищею души были мнѣ божественныя пѣсни Давида; изъ нихъ учился я познавать Бога, любить Его и служить Ему.

Много знакомыхъ толкались ко мнѣ въ двери изъ любопытства видѣть ожившаго мертвеца. Каждый день заѣзжалъ мой нареченный тесть. Онъ видимо старался не упустить выгодной партіи. Но я никого не принималъ.

Первымъ дѣломъ моимъ, по выздоровленіи, было приготовленіе къ св. таинству причащенія Тѣла и Крови Христовой. Опытный въ духовной жизни священникъ о. М—й былъ духовникомъ моимъ. Онъ укрѣпилъ меня въ рѣшимости отречься отъ міра и отъ всѣхъ мірскихъ привязанностей.

Но не скоро могъ я избавиться отъ житейскихъ дѣлъ. Прежде всего я поспѣшилъ отказаться отъ чести быть зятемъ знатнаго старика и мужемъ прекрасной княжны. Потомъ вышелъ въ отставку, отпустилъ Я—хъ крестьянъ моихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, распродалъ всю свою движимость и нашелъ доброе употребленіе деньгамъ; прочія имѣнія передалъ законнымъ наслѣдникамъ. Въ такихъ заботахъ прошелъ цѣлый годъ. Наконецъ, свободный отъ земныхъ попеченій, я могъ искать тихаго пристанища и избралъ себѣ благую часть.

Въ нѣсколькихъ монастыряхъ побывалъ я, и поселился въ той пустыни, гдѣ теперь доживаю вѣкъ свой. Вѣрнаго своего Степана отпустилъ я на волю и предлагалъ ему

денежное награжденіе, достаточное для обезпеченія его старости, но онъ не принялъ денегъ и со слезами просилъ не отсылать его. Онъ хотѣлъ умереть при мнѣ, провелъ остатокъ жизни въ нашей обители, и умеръ, не принявъ постриженія. „Куда мнѣ, грѣшнику недостойному быть монахомъ, говорилъ онъ. Довольно съ меня и того, что сподобился жить съ рабами Божіими.

Почтенный отецъ Г., заключилъ разсказъ свой слѣдующими словами: „На мнѣ вы видите дивный опытъ милосердія Божія. Чтобы исхитить душу мою изъ мрачнаго сна грѣховнаго, Благій Человѣколюбецъ допустилъ меня пройти юдоль сѣни смертной, и на гробовомъ ложѣ просвѣтилъ очи мои, да не усну въ смерть вѣчную!“

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

This book is due on the date indicated below, or at the expiration of a definite period after the date of borrowing, as provided by the rules of the Library or by special arrangement with the Librarian in charge.

DATE BORROWED	DATE DUE	DATE BORROWED	DATE DUE

C28(1140)M100

947.04 T588

AUG 7 1941